

Чебоксары — 2014

Михаил СЕНИЭЛЬ

ПРЕДВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Стихи

2009—2013

Чебоксары — 2014

ББК 84(2 Рос-Чув)-5
УДК 821.512.111
С 31

Михаил СЕНИЭЛЬ
С 31 **Предвечерний свет.** Стихи. 2009—2013. —
Чебоксары, 2014. — 224 с., портрет.
ISBN

В книгу вошли стихотворения, написанные в 2009—
2013 годах.

ББК 84(2 Рос-Чув)-5
УДК 821.512.111

ISBN

© М. Сениэль, 2014

МИХАИЛ СЕНИЭЛЬ

Михаил Сениэль — поэт двуязычный: писал на чувашском и русском языках. К 70-летию поэта в Чувашском государственном институте гуманитарных наук вышло в свет «Собрание сочинений» в трех томах, куда вошли избранные стихотворения и поэмы, написанные в 1955—2008 годах на русском языке. В них — боль военного и социалистического детства, беспокойная юность и мудрая пора подведения итогов. И, конечно же, — стихи о любви. Каждый том имеет свое название: «Листья на ветру», «Свет и тени» и «Мой завет».

Творения М. Сениэля глубоко лиричны и философичны.

Издание предваряет предисловие автора под названием «Своевременная автобиография», где талантливо прослеживается духовное и творческое становление поэта.

Несмотря на солидный возраст, Михаил Павлович продолжал творить, как и прежде, на двух языках.

Он родился в чувашской деревне Урмандеево Аксубаевского района Татарстана 30 декабря 1940 года, закончил Аксубаевскую среднюю школу, Чистопольское медицинское училище, Казанский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литинституте имени Горького в Москве. Его стихи переведены на польский, шведский, итальянский, французский, английский, японский и другие иностранные языки...

ПОЛУЧИЛСЯ...

О, бог! О, сумрачное небо!
Я с ранних лет стихи писал.
Самонадеянным я не был,
а цельным был, мечту спасал.

И не рассыпанно мечтал я,
не жил растрёпанно тогда.
Себя я видел взрослым в даях —
в селеньях разных, городах.

На путь встал рано, с сильной волей,
и сбить с пути никто не смог.
Смертельных бед, душевных болей
как много посылал мне бог!

Среди опасных, страшных с виду,
страданий, мук, без светлых чувств,
шептал: ужель так и не выйду,
ужель сойду, не получусь?

Я не сошёл, я получился.
И вышел из меня поэт.
Какой? Пока что отмолчимся.
Рахмат за всё, о, бог! Привет...

2009

ГРИГ. ПЕСНЯ СОЛЬВЕЙГ

Я песню Сольвейг услышал юным.
О, песня Сольвейг, благодарю я
тебя за то, что в вечер лунный
спасла меня, себя даруя.

В горчайшей боли душа стонала.
Пусть ты из снега, но и из солнца,
звучала нежно, в ушах стояла,
о, песня Сольвейг, о, песня Сольвейг!

Ах, много горя в душе поэта.
Чтоб оживала, не пропадала,
всю жизнь играйте ей песню эту,
хоть и несмело, хоть и устало.

Уйдём, уйдём все, уж так придётся,
нас похоронят, под землю сунут,
но и под землю она пробьётся,
где души наши бессмертно стонут...

2009

НАГЛЯДНОСТЬ

Мне говорили, что, быть может,
я был рождён для мятежа.
Мне говорили... То тревожит
меня доныне — вводит в жар.

Конечно же, я был мятежен
уж тем, что непохож на них
ни в чём — в стихах суров и нежен,
а в жизни нелюдим и дик.

О, сколько было брани желчной!
В грязь не ударил я лицом.
Хоть я и стал бессильной жертвой,
держался стойко, молодцом.

Был вскоре вышвырнут с работы.
Без службы — вольный стал казак.
И я ушёл в свою свободу,
врагам моим шиш показав.

Живу, хоть и в душе неладно,
живу, хоть и болит душа,
примером, что расцвет таланта
и есть наглядность мятежа...

2009

СТУКАЧ

Судьба имён — судьба времён подчас.
Стучал стукач — милейший наш иуда.
Я думал: заплюём мы стукача.
Всяк думал: клеветник наказан будет.

Но не смогли ни плюнуть, ни ругнуть
как следует — он вновь, он вновь в почёте.
Он сам клеймит нас и пугает, гнусь,
я, говорит, не предавал, вы лжёте.

Пусть суд правдив и прям наш, но стукач
плюёт на суд как на брехню собачью.
О, боже, осуди иуду и накажь,
чтоб не вонял своею гнусной пастью.

Накажь и тех, кто за него — горой,
тех, кто неправедно — и в холе, и в почёте.
Верни честь тем, кто истинно герой,
кто истинно заслуживает чести...

2009

ЧИСТ Я...

Я не был ни труслив, ни невменяем.
Чурался власти, гимнов не писал.
Впились в меня, в измене обвиняя,
впрямь будто я устои потрясал.

Что думал, то и говорить старался.
Над фальшью, славой дутой хохотал.
Идёт талант — кивну ему я: «Здрасьте!»
А бездарь тащится — я тут же ходу дал.

Раз не труслив, то смелый малый, значит.
Не невменяем — не дурак я всё ж.
Неправда то, что обо мне судачат
завистливые твари, просто ложь.

Не доносил я, никого не предал.
И нету чувства горького стыда
поэтому пред вами, мои предки,
мои потомки, — чист я навсегда!

2009

РАССТАЛИСЬ МЫ...

Все расстаются чисто иль нечисто.
Расстались так нечисто мы с тобой,
что враз распались мертвенно не чьи-то,
а души наши, клятые судьбой.

А как хотелось чисто, как хотелось!
Благословен лишь тот, кто так хотел.
Печаль и радость в нас как песня пелись
и пелись в чистоте и доброте.

Мы не смогли любить друг друга честно.
И надо было нам с тобой убить
возможность петь и слышать эту песню
и коей вечно благодарным быть.

Печаль и радость... О, как научиться
нам жить, чтоб не было себя так жаль,
чтоб радость наша, расставаясь чисто,
дарила душам чистую печаль!

2009

ПОКОЛЕНИЕ

О, бедное моё поколение,
уж не цвести тебе, а увядать.
И никакого уж покорения
вершин тебе не увидать.

Ведь наша молодость и скорая
над ней расправа ушли во вчера.
Ах, как мечтали мы и спорили
во сборах взбалмошных в вечера!

Здесь не было разговоров зряшных.
Высокомерно и судебно мы
ругали и громили страшно
тех, кто был тормозом для страны.

Смеялись здесь же над королями,
которые голы, над платьем их.
И называли мы всех нулями —
прислугу, обслугу и королей самих.

Дышало радостно всё и грозно.
Мы ждали, надеялись... Но та пора
прошла-проехала, и уже поздно
цвести, не увядать, напирать.

Мы, бедные, опалены войною.
Мы те, кто ступень лишь, не порог.
Не дохромаем уже до жизни новой,
к ней как пролог мы, лишь как пролог.

2009

ПИШУ

Когда я пуст совсем уже,
я не пишу. Хоть всё и пусто,
биенье внутреннего пульса
всё ж слышу я в моей душе.

То — знак, что будет наполненье,
что я покончу с суетой,
что будет сладость напоенья
другою свежей пустотой.

Она светла, спокойна эта
иная — в ней свеченье, звук
глубинно с высотой живут,
священно радуя поэта.

И нет уже и смерти чувств,
и нет потери горизонта.
Уж не гляжу на муз я сонно.
Пишу я. Музам я не чужд...

2009

О, ИСТИНА!

Геннадию Трифонову

Не изменил я музе главной.
Ты муза главная моя,
о, истина! И то — не тайна,
что любишь, как и я, меня.

Пускай подобья есть у истин,
моя — одна, всего одна.
Врагам твоим я ненавиствен.
Друзья ж твои мне как родня.

Благодарю я жизнь за риск —
глаголет истина опасно,
но чудным светом не напрасно
меня, поэта, озарит.

И я дойду в том озаренье
до бога самого в тиши.
Увижу я духовным зреньем:
бог есть спасение души...

2009

МИЛКА

Разве, милка, ты любишь меня,
что же к мужу канаты не рубишь?
Разве, милка, не губишь меня
тем, что любишь всегда — как не любишь?

Моя радость тебе чужда.
Мои горести тоже чужды.
Не любовь это, может, вражда?
Как бы ни было, всё же чувство.

Иль тебе всё равно, всё равно?
Ведь жестокость же это, жестокость!
Неужель ничего не дано
тебе богом? Редчайшая строгость.

Доброты нету, нет доброты!
Поражаешь меня ты невиданно:
ведьмы ли иль убийцы черты
у тебя, ты не чувствуешь, видно?

Стонут люди и плачут вокруг,
ты и видеть, и слышать не хочешь.
Или мать умерла твоя вдруг,
всё равно тебе — звонко хохочешь...

2009

БИЛИ...

Меня не раз кастетом били
и — без кастета, кулаком.
Меня ни разу не любили,
а говорили все притом,
что любят... А когда клеймили
и били словом уж меня,
любили тоже — строго, мило,
не морду, душу кровеня.
Когда же всё ж клеймили всеуе,
забыли совесть все иметь:
сплочённо, дружно голосуя,
толкали все меня на смерть.
...Кастет, конечно, не эстет,
но и эстет бьёт словом славно.
С того прошло уж столько лет,
а будто бьют сегодня, словно.

2009

ТЫ ГДЕ?

Когда в тебе невосполнённо
горит раздумия свеча,
эпохи ритм невоплощённо
начнет тревожиться, кричать,
забудь, что есть цари на свете,
что стража есть у них, палач,
ты вспомни бога, ведь поэт ты,
ты с богом — не слабак, силач.
Пусть арестуют, словно вора,
за то, что нам ты в доску свой,
не жулик ты и не притвора
и не обманщик, а герой,
за истину погиб, за правду,
за дело праведных людей.
Бессмертие тебе — в награду
от нас, от бога... но ты — где?

2009

ДУРМАНЯЩИЙ ДЫМ

Было время — я врал обаятельно,
напуская дурманящий дым.
И накажет меня обязательно
моя совесть за эти труды.

Врал я девушкам, а они искренно
принимая враньё, по-людски,
обнимали так просто — как исповедь
их объятья казались с тоски.

Врал и женщинам, нежно, без грубости.
Только тихо посмотришь в глаза,
млеют уж, уже делают глупости
и не могут ни в чём отказать.

Я теперь, сам в себе запираясь,
всё стараюсь то время понять,
всё по-новому жить собираюсь:
совесть мучает, значит, меня.

Преисполнен презренья к себе я.
Я в плену скорбных чувств. Я в кольце.
На лице как бы тень преступления,
на моём стариковском лице...

2009

МЫ ОЧАРОВАНЫ...

«Очей очарованье...» Так сказал поэт великий. Не глаза, а очи свой устремляют взор на небеса, чтоб очаровываться миром, впрочем.

Очарованья в юности прекрасны.
И в молодости уж не так опасны.
Мы как бы счастливы той слепотой,
возникшей над земною суетой.

Причастны к наивысшему познанию...
Среди разочарованных людей
мы очарованы и всех глупей,
но люди в том напрасно ждут признанья.

А впереди мерцающее что-то
нас тянет в очарованную даль —
от быта затхлого и от расчёта
житейского, от денег, грубых дам.

О, некто с очарованной душой,
спеши, спеши же вдаль ты на мерцанье,
не затеряешься, хоть и большой
наш мир — и в том моё признанье...

2009

ВЕСЁЛЫЙ СМЕХ

Ты мёртв почти, а рядом — смех,
а рядом весело смеются.
Пойми ты, не прими ты грех
на душу — не со зла смеются.

Им просто невдомёк, что ты,
в тоске липучей беспросветной,
стоишь у гибельной черты,
сгорая в скорби несусветно.

И не завидуй смехачам.
Знай: зависть — самооскорбленье.
Встань ликом к солнечным лучам,
в них нет греха, есть искупленье.

Всё ж не прими на душу грех...
Да, ты — и мрачный, и разбитый,
но тот весёлый рядом смех
как луч он яркий, не обида.

2009

МИР ПРЕКРАСЕН...

О, жизнь! Коль обвинял, прости,
ведь обвинял, видать, вслепую.
Озлоблен был, но отпусти
ты мне озлобленность тупую.

К душе поступит мёртвый хлад,
тоска зелёная пристанет,
претит жизнь, не идёт на лад,
весь свет безрадостной предстанет.

И в нас тогда такая ночь,
такая в нас стоит разруха,
что мы не в силах превозмочь
ни горечь сердца, ни рассудка.

И кто же пожалеет нас?
Изгой мы на свете белом.
И слёзы катятся из глаз.
Слова и речь — всё помертвело.

Но чем же надобно платить
за то, что мир не худ, прекрасен?
Ценою жизни, может быть?
И если так, то я согласен...

2009

ВЗДЫХАЕМ...

Вздыхать мы любим, да, вздыхать!
Но не вздохнуть-передохнуть нам
бывает иногда, о, мать,
не знаем мы что делать нужно.

Хоть смейся тут, хоть плачь навзрыд,
в нас недовольство нарастает
и кажется, что будет взрыв,
но взрыва нет, мы лишь вздыхаем.

Внутри меня такая боль!
Я разуверился, стал замкнут.
Во мне как пытка нелюбовь.
Я внутрь себя собою загнан.

Но как же мне любить их, как?
Иуд, жулья так стало много.
И каждый хитр и нагл, лукав,
ржёт, издеваясь надо мною.

Ах, мама, сядь ты, посидим,
вздохнём хоть раз, вздохнём свободно.
Твой старший сын, твой нелюдим,
не бойся, не поэт народный...

2009

ВРЕМЕННОСТЬ

Я, чтобы не был временностью смыт,
не буду петь о временном, а буду
разоблачать и проклинать иуду
и каина — лишь в том у жизни смысл.

И буду воспевать добро, любовь.
Любовь не временна, она бессмертна.
И буду воспевать я радость, боль,
которые и вечны, и всесветны.

Отец и мать! Вас надо обессмертить
мне так же, как и родину мою.
Нет ничего дороже вас на свете,
и я о том не временно пою.

Чтоб стыдно не было пред вечностью и вами,
живые, мёртвые, я совесть знал.
О, люди, пользуйтесь моими вы трудами,
что внемля гласу совести писал...

2009

ПОМНИТЕ ДОБРО

Всегда мы начеку, всегда на взводе,
оберегаем мы себя зело.
Подножки ставя внутренней свободе,
добра не помним, помним зло.

Добро? Да что ж оно такое?
Не будем помнить — хлопотно весьма.
А вот зло помнить будем, кое
у нас — в печёнках. Задарма.

Увещевать, просить не надо, бросьте!
Быть у добра нам вечно в должниках —
вот счастье-то... Смелей на повороте!
Мы всё же люди, как-никак.

А может, мы не люди, а подонки,
понаторевшие в делах лихих?
А зло, которое мы помним, только
предлог, чтобы добро всех прав лишить?

Чудилы пресные, побойтесь бога!
И помните добро, душой горя.
Ведь нужно смелости не так уж много
на дело это, кстати говоря...

2009

ГДЕ Ж ВЫ?

Врагов моих не счесть, враги,
а где ж вы, я не вижу?
Хоть вас во тьме искать беги,
ведь я от вас завишу.

И как же жить мне без врагов,
без их вниманья, чести?
Закон таков и он суров:
сражаться надо честно.

Сражаться... Я загоревал:
их, видимо, украли.
Но ведь и сам я воровал
в начале жизни раннем.

И столько их наворовал —
дышать мне стало нечем.
И вот теперь меж нас провал:
Их нету — где, что лечат?

Жизнь наша так вот и сгорит,
горя всеобщей раной.
Уж не с дубиною стоит
на перекрёстке враг мой...

2009

ЛЮДСКИЕ СУДЬБЫ

Что есть людских судеб необобщённость
в прозренья века, нового притом?
Наверное, земли незащищённость —
без обобщенья, в воздухе пустом?

Боль, возвышаясь, делайся прекрасной.
Покой и страсть в тебе, покой и страсть.
Дух кажется нам силою всевластной.
Да, да! Уж так всевластна эта власть.

И в духе же — идей неустарелость.
Неужто в ней бессилие идей?
Как быть тут гению, как быть, что делать,
чтоб изменить, чтоб обновить людей?

Нет, нет, ведь гений — выси с глубио связь.
Да, ввысь и вглубь — и лишь одновременно!
Но смертные скрипят всё так же бренно,
вблизи великих мыслей суетясь.

И я, безумствуя как идиот,
подумал, что в спасительные звенья
связываются великие прозренья
и, может, лишь меня недостаёт...

2009

ПОВЕРХНОСТЬ

Вновь — не прозренья век, а подозренья.
И вновь поверхность во всём, везде.
И вновь подспудно в душах ужас зреет,
да, да, не страх, а ужас, тот, из тех.

Из тех, которые недавно были
у каждого из нас в любом краю,
где обожали мы вождей, любили,
живя в коммунистическом раю.

У нас у всех одна и та ж болезнь:
иль не хотим, иль не умеем думать.
Всему тому, что заслужило месть,
не мстим, а мстит нам месть, лютуя.

Мы неглубоки, мы не отомстим.
Трусливы мы, и силы убывают.
В нас — самосохранения инстинкт.
Не сохранимся — трусость убивает.

Поверхность есть трусость. Пропадём.
Нам мужества б набраться, чтобы скинуть
боязнь с души и чтобы ужас тот,
из тех, ушёл от нас, ушёл и сгинул...

2009

НЕ РАБЫ

Безмолвно взглядываясь в нас,
ища, где тут я и — который,
передо мною уж не раз
вставали пращур и потомок.

Они не узнают меня,
глядят всё строго, непреложно,
безвинного, поди, винят
в бессмысленном величьи, ложном.

Сгибаясь под ярмом тех лет,
больной, разутый и раздетый,
сквозь бури шёл во имя света
души я, выстрадал я свет.

И нет возвышенной судьбы
всего себя отдать не славе,
а людям, чтобы были вправе
сказать себе: «Мы не рабы».

Дыша свободно и легко,
собой почувствовав себя, я
ушёл от рабства далеко,
с тех пор себя уж не теряю...

2009

МЫСЛЬ ИЗРЕЧЁННАЯ

«Неизречённое блаженство людям
словами я навряд ли передам».
Вслед гению, иные часто любят
мысль эту повторять, но без вреда.

А лишь блаженство ль только невозможно
словами передать? И горечь — тож.
И вроде это как бы непреложно,
ведь мысль же изречённая есть ложь.

И всё-таки пытаются... Допустим,
что передал, что текст понятен всем,
но каждый индивид стараться будет
впитать его по-своему совсем.

Есть каланча высокая, есть ниже.
И каланча у каждого своя.
Суть в том у повторения — лишь ближе
нам к истине возможно тут стоять...

2009

ЭТО БЫЛО ЗИМОЮ...

Вновь зима, снег да иней на ветках...
Я несчастлив всю жизнь беспредельно.
Всё навеки исчезло, навеки,
мы стареем полвека отдельно.

Это было зимою, средь снега —
ты рвалась лихорадочно к безднам:
начиналось какою-то негой,
завершалось бесстрастностью, бегством.

Ты в ночи второпях исчезала.
В жизнь другую ныряла ночами.
Тело дав, в меня крепко вжималась,
душу прятала в теле печально.

Но однажды душа проступила:
«Ты со мною не будешь счастливым —
я давно уже... переступила...
знаешь сам что и как... я — блудлива».

И тогда я, почти что мальчишка,
заметался, горя в исступленьи.
Уж готова была моя книжка —
рвался я лихорадочно к песне.

Вновь зима... и я, как из могилы,
слышу голос: «Ты сможешь, добьёшься.
Не грусти и будь счастлив, мой милый...»
Я грущу, и не счастлив я вовсе.

2009

ПОЭТУ ДУШНО...

Ты байки баял и ты хвастал,
какой же толк в самохвальбе?
На откровенья не горазд ты
о времени и о себе.

Жизнь потрепала нас изрядно.
Но говорили мы не то.
Но то, что мы не смели вякнуть,
кто вякнет, смеет, а? Никто.

Мы не орлино-ястребино,
и не крысино, не как вран,
живали, но — неистребимо,
страдая от душевных ран.

Поэзия — от них лечение,
но в то же время, иногда —
смертельное кровотечение.
В словах как это передать?

Распался строй, распалась дружба,
поэзия же — чуть жива.
Опять, опять поэту душно
в России жить и доживать...

2010

КТО ЗАМЕНИТ?

Я, жизнь своей души поведав
в трехтомнике, — весь как струна.
Нет после нас, Айги, поэтов,
есть виршеплёты иль шпана.

Но из струны не вьёт верёвки
пока что власть, хоть и пора.
И ждут литворы и воровки,
чтоб объявили, что мы «враг».

Ждут, чтоб ограбить и присвоить
шедевры наши, как Алга,
иль как Юхма, как Ржанов... то есть
оклеветать и оболгать.

А нас загнать туда, куда и
телят Макар наш не гонял,
где, нас жалея, Бог рыдает,
даёт Исусу нагоняй.

Прощай, товарищ... Средь разброда
тебя я бросил, ты — меня.
Теперь один я у народа.
Есть вечность, с нею есть свобода.
Кто будет, друг, нас заменять?

2010

ИЗБРАН БОГОМ

Честно пишешь о себе самом,
будет честно и об эпохе.
Не бездарен я всё ж, в основном,
но порою пишу и плохо.

Всё бывает... Поэзия — труд
неподъёмный. Тем боле, когда ты
уж давненько не годен в солдаты,
уже даже — в мужья, где уж тут.

Вроде б так, вроде бы и не так.
Мы забыли: поэт настоящий —
над всем этим особо стоящий.
Он — поэт, дело здесь не в годах.

У поэта — особая статья.
Избран богом и богом целован.
И с божественной искрою слово
у поэта звучит на устах.

Честно пишешь о себе самом,
будет честно всегда и о боге.
В основном или не в основном,
я давно не пишу уже плохо...

2010

В СПЯЧКЕ

Мы словно в спячке беспробудной.
Нам просыпаться — не с руки.
И нет страстей кипящих, бурных.
Они обрюзгли и мелки.

Нам не с руки и в смысл вдаваться
всех этих глупых чувств, страстей.
А нам б — продать иль продаваться,
забыв и совесть, и друзей.

Кабачкой пошлостью срамимы
теперь надежда и любовь
и вера... мы проходим мимо:
всё это — муть, страданье, боль.

Пропитаны насквозь мы ложью,
грешим мы, но не плачем мы.
Дождёмся ли прощенья божья?
Увы... И мы обречены.

Уж бесшабашно и могуче
не петь нам тише иль звончей
о чувствах светлых, страстных, жгучих,
что не давали спать ночей...

2010

ПРОБУДИСЬ...

Ты помни, человек, ты — бог.
Не будь бездумен и убог.
И если б был умней, смелее,
ты власть окоротить бы мог.

Смысл человека есть ты сам.
Другим нет места чудесам
в твоём наличии и сути
и — хитрым тёмным словесам.

Ты ж презираешь суд, ярем,
хоть без суда приговорён
бывал не раз в те дни лихие, —
не пробудившийся орёл.

Ты пробудись, чтоб не пропасть.
Не бог, не бог любая власть.
Не превратись ты в её средство.
Запомни — это надо знать...

2010

В СТИХОТВОРЕНИИ «ПОБЕГ»

О рабство, рабство, гнёт духовный,
в стихотворении «Побег»
ты у меня, как «гнёт греховный», —
источник всех духовных бед.

В восьмидесятом предсказал я,
душой звучащей видя, что
падёт империя, что станет
страна свободной, гнёт уйдёт.

Империя и вправду пала,
но гнёт остался, не ушёл.
И мне, пророку, стыдно стало,
я устыдился всей душой.

Я вспомнил: признано не нами —
тихи пророчества, тихи,
спокойны предзнаменованья,
лишь несуразности лихи.

В природе всё-таки есть плавность,
закон гармонии в ней есть.
Хоть век и любит своенравность,
закон суров — не одолеть...

2010

ДРУЖУ С ТИШИНОЙ

Не грешен — никогда не бушевал.
Тем паче, не бушую, облетая.
Дебил бушует иль иная шваль,
то — истина не новая, простая.

Нет, не случилось ничего со мной,
ведь сызмальства дружу я с тишиною,
в ней находя смиренность и покой.
Не заболит в ней сердце, не заноеет.

А мысли просветлеют в тишине.
Находит на меня тогда прозреньё.
Как облетевший клён я в день осенний —
ни одного листочка даже нет.

Заледенело всё внутри меня.
Всё голо и прозрачно и студёно.
Мне хоть печально, но не безнадёжно,
надежд особых, новых полон я.

И потому легко мне удалось
увидеть в обнажённости деревьев
себя и потрясённую деревню,
когда видны она и я насквозь.

Любовь моя к деревне, не остынь.
Исток любви моей — в любви древней.
Коль разлюблю, когда умру, деревня,
клади на гроб не розы мне, полынь...

2010

ПЕПЕЛ КЛААСА

Клааса пепел — это и мой пепел.
И будет он стучать в сердца людей
сегодня, завтра и всегда — он светел,
наглядно светится как круг идей.

Свобода, равенство в нём и отмщение
за все страдания, муки и за смерть
миллионов — всех замученных, всех честных,
безвинных, не уйдёт от мести изувер.

Глумились, впрочем, надо мною тоже...
Клааса пепел — как оплата крови, слёз.
Клааса пепел палачам итожит
все злодеянья их — Клаас был честный гёз.

2010

ОПАЛЬНЫЙ

При вас ходил я и хожу в опальных.
И подчиняться вам я не привык.
Вы ненормальные, а я нормальный.
Средь верноподанных я — еретик.

Убийцы вы и воры, вам в угоду
я никогда не пел, не буду петь.
Я есть нормальный, любящий свободу,
вы люто ненавидящий поэт.

Мои дела идуг частенько плохо,
коль верховодят нами подлецы.
Но на хорошем же счету у бога
не вы, живые трупы, стервецы.

Со мной приходится вам повозиться:
менять личины, методы менять.
По духу — вельзевулы инквизиций,
вы на костре не прочь бы сжечь меня.

Не прочь повесить, расстрелять не прочь вы,
к всему готовы, погрязая в зле.
Но будет пепел мой стучать воочью
всем людям добрым в сердце на земле.

Как жаль, что снова — подлецов засилье
и в силе те, кто нас искоренял.
Доносят так же, как и доносили.
Маячит призрачно... Эскуриал.

2010

РАСКВИТАТЬСЯ НАДО...

Мне б кое с кем тут расквитаться надо.
Не расквитаюсь — буду сожалеть.
Конечно, мне давно не восемнадцать,
и даже уж давно не сорок лет.

Но как бы ни было, я расквитаюсь.
Не расквитаюсь же, когда умру.
Хоть чувствую, что силы тают, тают,
но всё-таки я жив, я — на миру.

Мне б кое с кем тут надо расквитаться,
пока не умер и не заболел.
Грешно не отомщённо оставаться,
пока хожу я, грешный, по земле.

И расквитаюсь, точно расквитаюсь.
Враг, трепещи! Ты, враг, из нелюдей.
Я, расквитаясь, выступить пытаюсь
от имени всех взрослых и детей...

2010

БЕЗ ПОКАЯНИЯ

Покаяния нет и не будет...
Так как не было сроду и нет
ни стыда и ни совести в людях,
особливо у тех, кто без бед.

Особливо у тех, кто на страже
у неправды стоял, кто и честь
потерял свою, и, вроде б даже,
перекрасил и шкуру, и шерсть.

Ведь понятно: имеешь ты совесть,
муки тоже ты будешь иметь.
Муки совести — это рискованно
и опасно для власти как смерть.

Потому было б очень прекрасно
выдрать совесть, чтоб не было мук.
Муки совести — это ужасно,
тот, кто мучится, — тот автор смут.

Тот, кто мучится, — вождь революций,
и разбоев, и концлагерей.
Жизнь горит, льётся кровь, слёзы льются.
Уничтожьте вождя! И — скорей!

Чтоб не смог он сказать: «Что наделал?»
Чтоб не мучился: «Что натворил?»
Выбив совесть и выбив идею,
выбьем муки, чтоб больше не жил...

2010

СУТЬ БОЖЬЯ

Когда слышу я вдруг: «Черножопый»,
иль глумливое слово: «Чучмек»,
говорю я тебе, х.. моржовый:
«Ты вообще даже не человек».

Чем ты лучше, что ты белозадый?
Иностранец такой же как он,
ты себя ж обзываешь... Досадно
и печально всё это, бурбон.

Чувашом называться нет права
и не будет уже никогда
у тебя, если эта отравка,
как наркотик, в тебе навсегда.

Черножопый? Но разве рожали
по-другому кавказцев на свет?
По-другому кавказцы роптали,
беззаконье терпя? Нет же, нет.

Жили с богом, безводочно, дико,
с полумесяцем, но без креста,
коль не тронут, и добро, и тихо.
А суть божья и есть доброта.

2010

ВКУС К ЖИЗНИ

Болезнью возрастной я не болел.
Теперь уже навряд ли заболею.
И это оттого, что я лелею
себя, чтоб чувствами не оскудел.

Повторы — за познание не расплата.
Не говорите, что познания нет,
а есть лишь ряд повторов, что чревато
потерей вкуса к жизни в чреве лет.

Вкус к жизни! Нету чувств — восстанови!
Переболела плоть, перелюбила,
но на душе моей светло всё ж было,
без ощущенья холода в крови.

О, радость, залети на огонёк,
но не сбивай ты с крыльев чудных блёстки,
биясь о душу, словно мотылёк,
который по ночам о лампу бьётся...

2010

ГОРДОСТЬ

Сказал себе я твёрдо «гордым будь»
ещё давно, подростком, и — бываю.
Замалчивают пусть, не понимают,
хоть кто-нибудь поймёт, когда-нибудь.

Смирил гордыню, понял: пропадёт,
подточенный гордынею, мой гений,
и жажда славы, самоутверждений
лишь к творческому небытию ведёт.

Опала... слава... всем гореть в аду.
У ада завсегда один и тот же почерк.
И похвалу не восприму как почесть,
и восприму плевки как похвалу.

Не оскорблюсь я мнением любим.
Пусть судят и рядят неумолимо
и умный, и дурак, ведь быть любимым
не сможешь ты, когда ты не любим.

Завидовать? Ну есть ли что пошлей?!
Успехи друга — радость, не обида.
И ты моим, дружнице, не завидуй,
порадуйся со мной иль поболей.

Не возгордись ты тем, что не гордец,
и тем, что, как и я, смирил гордыню,
чтоб не пропасть, и — гордый лишь отныне.
А возгордимся — будет нам конец.

2010

В САДУ

Подайте, как нищему в нищей стране,
подайте немножечко юности мне
все те, кто проходит весною под лунностью,
бывая ещё между детством и юностью.

Проходит по саду, где — гроздя черёмух,
где — пташечки спрячутся в листьях зелёных,
где — юно всё, молодо, только лишь я
не то что незрелый, а старый, друзья.

Старею, старею, стальнею, стальнею —
снарядом меня не прбьёшь, сатанею.
В саду я возможность заплакать молю,
возможность понять, что живу, что люблю.

Как много в душе за всю жизнь напласталось
усталости, скорби — ты знаешь всё, старость.
Не старости плоти, не смерти боюсь,
боюсь умирания духа и злось...

2010

ТОСКА ПО НЕРАЗДЕЛЁННОЙ ЛЮБВИ

Ивану Егорову

Любовь неразделённая прекрасна,
но и страшна, когда накал страстей
в тебе доходит до безумств ужасных —
чем злей сопротивление, тем лютей.

Боясь трагедий, истинной любви,
мы говорим: «Э, сложно, я устал».
В несложность ускользя, все с любую
красоткою готовы рядом встать.

Страдая без страданий, осторожный
в ней видит лишь доступный матерьял.
И тем, чудак, великую возможность
любви неразделённой потерял.

И трепет безответный, но прекрасный,
познал, познал страданий благодать,
бывал счастливым в верности несчастной,
умея безнадёжно ожидать.

И, видимо, навечно полонённый
той сладостью, что в юности познал,
тоскую по любви неразделённой.
Как юный, ночи провожу без сна...

2010

ЗАПАХ СКВЕРНЫ

Я раньше думал: бог есть правда,
но понял: правда — это бог.
А нас морочили исправно
в обратном, я от них убёг.

Внушали: Ленин — это правда,
а правда — Ленин, я не внял,
учуяв запах скверны сразу,
проникший в этот идеал.

Я верю в мать свою и правду
как ни во что так горячо,
и верю, рады вы, не рады,
в себя, на кой — во что ещё?

2010

ПРИХОДИТЕ...

Не дожидаться от смерти нам милостей.
Слёзы лить перед смертью не след.
В мире тьма разных несправедливостей,
из них главная — всё-таки смерть.

И испить эту чашу готов я.
Но пока не испил, смелым будь
ты сражаться за души, которые,
может, в далях тебя и спасут.

Говорят же, что смерть отступается,
если будут тебя почитать,
понесут в дальний путь, ты читаешься,
и читать будут долго, читать.

Хоть и было во мне чуть богемное,
я умел всё же быть озорным.
Может, был я, как знать, добрым гением,
не ухсаем, не гением злым.

Не был мстительным я хузангаем.
И словами я не торговал.
Как Есенин в стихах хулиганя,
ничего у него я не брал.

...Приходите ко мне на погост вы,
на могилу, что не весела.
Приходите стрезва, просто в гости —
на могилу, что возле села.

2010

ВНОВЬ ПОЛЮБИЛИ

Тебя я разлюбил, ты тоже разлюбила
меня давно, но ты врала, я врал,
что любим мы ещё. Хоть и любовь убита,
не умирала ты и я не умирал.

«Не надо умирать!» — как будто голос бога
нам слышится с небес в ночной волшбе.
Ведь умирание такая уж забота,
что всё одно что умирать вообще.

Не умирали мы, и что-то нам мешало
переходить в твоё, в моё небытие.
Казалось просто, что любовь ещё дышала
и можно возродить со временем её.

Но не пойму никак я, голос плоти лжив ли
иль суета страстей — все для меня темны.
Не умирали мы, мы были живы, живы.
Вновь полюбили мы, и, значит, любим мы!

2010

КОНЕЦ

Любил ли я тебя? Что ж испарилась
любовь моя так скоро и — когда?
Ужель весь век любить — неисполнимость,
а обещанье лишь, обман всегда?

До гроба не сулил, любил всё ж честно.
Не обещал небес, но землю дал.
И слово данное сдержал я с честью:
Дыша любовью, смел был и удал.

И защищал любовь... И мне твердили,
что любят. Я им верил как юнец.
Сентиментальный пёс же — эка диво!
Не знал тогда, что это был конец.

Уж не тверди «люблю», когда не любишь,
когда посыпятся из этих уст
враньё, насмешка, обвиненья, грубость.
Ах, как любовь пуста и как я пуст!

Метаясь так до умопомраченья,
с ума сойдешь, — любя и разлюбя.
Как стыдно мне, что не прошу прощенья.
Как стыдно мне, что я любил тебя...

2010

ЕЩЁ НЕ ВСТРЕТИЛИСЬ...

Век прошёл, так и не встретил я тебя.
Те, кого я встретил, не были тобою.
И, покуда жив, шепчу тебе с мольбою:
появись же наконец, жду очень я.

Как я без тебя на свете жил, живу?
Плохо. Ведь меня почти никто не понял,
не любил почти никто, я был как поле
брошенное, где не сеют и не жнут.

Встречи исчезают, не обременя
пошлою никчемностью, и — без обиды.
Многие мной уж давным-давно забыты,
и они давно забыли про меня.

Не расстанусь я, хоть век мой и прошёл.
Коль ты на том свете, говорю: «Воскресни!»
Как же нам с тобой расстаться, если
мы с тобой не встретились ещё?

2010

В ЭТОЙ ЖИЗНИ

Листья ль падают иль ветер воеет,
под дождём ли мокну на юру,
вдруг замру я горестно и вспомню,
что умру ведь скоро я, умру.

Не осталось — бог тому свидетель, —
от меня уж ничего: был — сплыл.
С кем хотелось, я того не встретил.
Тех забыл, их многих я забыл.

Сохранил ли чувство жизни? Малость.
И ужель уйду я с ним туда,
где остаться с ним не удавалось
никому, никак и никогда?

Многое я в этой жизни понял.
А за что нещадно битым был —
не совсем я понял, хоть и помнил,
и не дай, господь, чтоб я забыл.

Понял я, что, как и бог, причастен
был я к тайнам сердца, магом стал.
Понял я, что был всю жизнь несчастен
оттого, что счастья я искал...

2010

СЛАВЛЮ ЖИЗНЬ

В юности приветствовал я смерть,
а теперь, напротив, — ненавижу.
Ничего хорошего не вижу
в ней и в том, что под землёй истлеть.

Смерть была мне равною судьбе —
чувства жизни я нашёл истоки.
Ясно же, что умереть — жестоко
как к друзьям, так и к родным, к себе.

Чувство смерти жжёт, кровь леденя,
но стремленья к жизни не изменит.
Кто, придя, живой, меня и сменит,
не заменит никогда меня.

Эй, пришедший, не всеильна смерть,
это ты запомни и последуй
моему духовному полёту,
жизнь свою духовностью измерь.

Я не лжив, ты согласишься со мной.
На земле живём все мимолётно.
Буду славить жизнь, хотя и мёртвый,
я, паря бессмертно над землёй...

2010

ПЫТАЮСЬ...

Я многих пытался сделать счастливыми,
и, сохранив, это чувство берегу.
Но говорила жизнь стыдливо мне:
«Вот ты — пытаешься, а я — не могу.

Могу я, и это бывает часто,
не радовать, а обижать все дни:
все знают как сделать тебя несчастным,
а как счастливым — дураки одни».

Я, зная, что дурак я, сделать счастливыми
пытаюсь и сейчас, и чувство берегу,
хоть жизнь всё так же и твердит стыдливо мне,
что, мол, она не может, а я — могу...

2010

СПАСЕНИЕ МОЁ

Исчезнуть... Так легко не быть...
А «быть», «бывать» труднее и сложнее.
Как можно было мне себя забыть,
но я забыл и очень сожалею.

Спасение моё в себе самом.
Кто ж вспомнит обо мне, уж если сам я
не вспомню и не заживу с умом —
не пьянствуя, в долги не залезая.

Уж коли честен, искупил я грех,
наверно, неподсуден, невозбранен,
достоин всё-таки прощенья тех,
кому я причинил невольню раны.

Не упадёт на человека тень,
когда он чист, и — подозрений нету.
И будет таковым он в Судный день,
когда бог призовет его к ответу.

Допустим, он — поэт во всей красе.
И исподволь такое тут назреет:
он будет всюду, будет всеми, всем.
Он, если и умрёт, то лишь на время.

2010

НЕ ХОЧУ

Не хочу быть любимым тобою...
И вообще не хочу быть любим
ни бессмысленной грубой толпою,
ни властями, которыми бит.

Ни друзьями, которые лживы.
Ни врагами, в которых нет лжи.
Нелюбовью пока что и жив я.
Нележачего бьют, ляг, лежи.

И лежу, и вставать я пытаюсь,
чтобы били. И что за жизньё,
коль не бьют. Вновь и вновь убеждаюсь,
что любовь лучшее есть битьё.

...За любовь незачем стало биться
мне с подругой и даже с роднёй.
Мне достаточно то, что любим я
моей мамой — любимой, родной.

2010

ПИРУЭТЫ

Как-то нагадала мне цыганка
много слёз, не сдерживал я их:
потому как стало себя жалко,
потому как пожалел других.

На носке я делал пируэты,
значит, уважаю пируэт.
Пожалев людей, я влез в поэты,
и себя я пожалел, поэт.

Долго ли продолжится сей танец —
не могу сказать, но скажет бог.
А пытаться его пока не стану,
зная божьи бредни назубок.

Ко всему испытываю жалость:
вся в крови душа и жизни ось.
Всё мне слишком дорого давалось,
всё, что и далось, и удалось.

Пошутил: не дело — пируэты,
хоть и уважаю пируэт.
Пожалев весь мир, я влез в поэты,
без того какой же я поэт?!

2010

ПОЖАЛЕЛ...

Пожалеть себя — не униженье.
Кто же пожалеет, если я
сам себя не пожалею, чем я
нехорош и плох, судьба моя?

Показалось, нет ни огонёчка,
ни дверей и ни лица вокруг.
Показалось, будто уголёчки
под ногами у меня и — жгут.

Страшно — закричать, заплакать —
страшно:
не услышат мать, земля, судьба.
Показалось, что живу я зряшно,
оттого и жалко мне себя.

Рад я, что упал до послабления,
что, идя по горестной земле,
среди ужасных унижений, тленья
сам себя увидел, пожалел...

2010

СЕНИЭЛЕВЕДЫ

Нужны ли сениэлеведы?
Нужны. Я весело смеюсь.
Вы ж знаете, коль не уроды,
я ж всё-таки поэт, не гнусь.

Трудясь, и от трудов как в мыле,
рифмуете вы кое-как
без чувства должного, без мысли
с безвинным видом работяг.

Страдая от духовной лени,
взорвать боитесь вы покой,
глаза потупить от смущенья
пред вашей стыдною строкой.

Мне шепчет вечность: о, помедли
ты оскорбить меня стихом,
ведь то — главнейшее в поэте;
не торопись, споёшь потом.

Не тороплюсь и не ломлюсь я
в бессмертие, оно, как тень,
само идёт за мною... Пустят
меня туда? Когда и где?

Скажите, сениэлеведы!
Иль не поэт я, просто гнусь?
Конечно же, вы не уроды.
Конечно ж, я шучу, смеюсь...

2010

ДУХОВНЫЕ МЯТЕЖИ

Когда меня вы унижали,
вы унижали не меня,
скорей всего, себя, пожалуй,
в те взбалмошные времена.

Была тогда пора тупая,
пора всевластия тупиц.
Я, от себя не отступаясь,
всё усмехался: bravo! бис!

Я верил в силу слова, дара
и в силу правды, а не лжи.
Когда духовны мятежи,
страшней ответного удара.

Пусть было времечко застойно
иль взбаламучено до дна,
мятеж мой тихий, но достойный, —
на все он годен времена...

2010

Я — ЭТО ПРЕДКИ

Надвременен ты, дух, и жизнь мудра
передаванием добра сквозь годы:
мне из семи селений предки враз
честь, совесть передали так охотно.

И милосердьё, состраданье к вам
я, страждущие, получил от них же,
и — дар поэта, душу чистую к стихам.
Я — это предки, кланяюсь им низко.

Добро, живи! И сгинь, недоброта!
Добро, и ближнее, и дальнее, мне
вы, предки, не забыли передать.
И — долгий век: я жив, не убиенный.

Когда-нибудь надвременным, как дух,
мне стать бы, чтобы передать сквозь годы,
потомки, вам добро и доброту,
понятно ж, как и те, с большой охотой...

2010

Я ВЕРЮ...

Я, ежели что-нибудь значу,
не будучи трусом, мякиной,
уж выполню всё же задачу,
поставленную над могилой.

Она недалече, могила.
И я пред концом не чудачу,
не будучи глупым и хилым.
Надеюсь я на удачу.

Да, не был я вором-громилой.
Удачливым не был я, значит.
Но всё ж над поэта могилой
и воры, я верю, заплачут...

2010

ДОБРО И ЗЛО

Когда властям вы гимны пели,
личину, не лицо имели,
мелькали часто там и сям.
Я шиш показывал властям.

Книг ваших власти не сжигали,
мою — распяли и сожгли.
И вас в психушку не сажали,
меня ж... ну впрямь с ума сошли!

Запихнутый, я еле вышел...
Зло называя злом тогда,
злом не назвал добро, но выжил —
печальник скорбного труда.

Лицо имел я человечье:
из гнева, радости, стыда.
Личина же как бы увечье,
чтоб без страдания страдать.

Бесчувствие вас губит, фрайер!
Вы и сейчас, всегда и впредь
властям — подстилка в нашем крае,
на зле женившись и добре.

2010

ПОРФИРИЮ

Ты говоришь, что я никто, ничто,
уж сорок лет. И, уничтожить чтоб
совсем и навсегда, твердишь о том,
что это больше, чем ничтожество.

Согласен. И согласен сорок лет
с тобой я, друг. И понял, и запомнил,
что мне нельзя в ряды поэтов лезть,
тем боле — в первый ряд, что — незаконно.

Законно, незаконно... А вот ты
законно влез в друзья к юристу Кольке,
когда он был патшой у нас, в ряды,
чтоб получить «народного»? Нет? То-то...

Хоть ты чуваш, в ногах — корни. Пусть.
Ещё тогда, давно, вы нам сказали,
ногай и орусут (Орда и Русь),
что мы — не мы, никто, ничто, сувары.

2010

ЛИРИЗМ

Отколь, друзья, у вас такой лиризм
при воспевании паскудной власти?
По воле ли своей так заврались
иль подневольно? По своєю? Здрасьте!

Рабы наград и званий, и тогда
вы также воспевали и блудили,
себя вы не любили утруждать
ни чувствами, ни мыслями благими.

Корысть и жадность — вот ваш весь лиризм.
В любые времена, в любых несчастьях
бессовестность, продажность, жополизм
вас делают певцом паскудной власти...

2010

ОБМАНУТЫЙ

Печальной не-радость бывает,
а радость — печальной навряд.
Печали дорогу давая,
печальные свечи горят.

Без радости, без перемены
оставил ты, друг, мир земной.
Я создал себе эти стены.
И я упоён тишиной.

Замкнулся в одну ты идею
и умер обманутый, брат.
Как вспомню тебя — холодею:
ушёл, не пришёл ты назад.

Как много такие виденья
с землёю вы разлучены.
Не тайна — дышу в светлый день я
свободой и духом весны.

Но плач по обманутым в сердце
невольно рождает печаль.
Горят поминальные свечи.
Как жаль вас, друзья, о как жаль...

2011

СПАСЕНЫ...

До старости дожил! Как странно это всё же,
и странно, и чудесно: жив я и здоров.
Нет у меня жены и нету тещи —
какое счастье! Счастлив я, урод.

А ведь как тряся: под каблук загонят!
Под каблуком я буду у жены
и буду о любви к ней петь, выходит.
Увы, не вышло! Песнь, мы спасены.

И пели соловьи в душе смелее,
и ясных дней весны свет не угас.
Он и сейчас не гаснет, а светлеет,
путь освещаая наш, о песнь, для нас.

Шагая тем путём в дни испытаний,
в дни, полные тоски, среди борьбы,
страданий и сомнений и скитаний,
познал я гнёт властительной судьбы.

И было страшно, думал: стану падать,
утрачу дар — уйдёт, замрёт мой стих;
но не упал под гнётом и не пал я —
честь сохранил свою и силу слов своих...

2011

ЧУВСТВО РАЯ

Раскидиста ветла. Раскидист клён.
Закатный отблеск на лице играет,
скользит оранжево... Я удивлён
и поражён — в душе нет чувства рая.

Нет водопада вдохновенья, нет
истомы звёздной, солнца откровенья
и лирного биенья сердца... Свет
закатный бредит мглою, не сиренью.

Ты как сирень... Расстались мы с тобой
сто лет назад, а кажется, что — вместе
и слышу всё «мой милый», «милый мой».
И кланяюсь тебе я как невесте.

Мы юны, нам шестнадцать только лет.
И не заката отблеск в нас, рассвет.
Сиренью бредим, дышим мы сиренью.
Нет ни конца, ни края упоенью.

...Вот ожила ветла, проснулся клён.
В глазах моих не отблеск тот играет,
рассвета луч блестит. Я удивлён
и поражён: сей луч — как чувство рая.

2011

**К выходу в свет
«СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ»**

Не скрывать: поэт высокого я сана.
И выход «Сочинений» был как взрыв.
Друзья мои! Вы словно партизаны
советские — молчите стойко, вдрызг!

Вы в шоке просто, просто онемели
от этого удара по мозгам
да и по нервам. Вы в виду имели,
что я — не я, что — мелочь, мелюзга.

А вышло-то не так — ошиблись малость,
не малость даже, больше. А вообще
третировать меня вам удавалось
немало — был я вам не по душе.

И говорю вам снова я и снова,
что слово каждое моё как на счету.
Замалчиванье иль бойкот — не внове.
Терплю всю жизнь. Привык. Я — начеку.

2011

В НЕДОБРЫЙ ЧАС...

Не говорю вам «быдло» — всё ж обидно
и оскорбительно, но вы тупы,
но вы отстали, плоски и наивны.
Бездарны вы и, в основном, — рабы.

Ни зла, ни горя не желая, вижу
никчемность вашу, презираю вас.
И, презирая, с грустью ненавижу.
Вы родились на свет в недобрый час.

За что любить вас? Жалких и бесцветных?
Вы примитивны. Вас за что хвалить?
Живёте для чего? Вы безответны.
И вы не подлы. Незачем хулить...

2011

ЛУННЫЕ ТЕНИ

Тени печали, тени печали —
лунные тени меня привечали...
Синяя ночь тихо льёт лунный свет,
мой выделяя из тьмы силуэт.

Тень мою свет чутко, нежно качает.
Мило бродить мне весною ночами.
Будто и смерти, и возраста нет,
только есть свет и бессмертие есть.

Только есть ночь, а в ночи звук свирели,
трель соловья, чудный запах сирени
и — тень моя, моя скорбная тень,
кою качает луна в темноте.

Тени печали, тени печали,
видно, не зря тень мою привечали,
ночью бесшумной толпою брели
в чёрном покрове — как беды земли...

2011

ДВА ПОНЯТИЯ

Есть два понятия: старость и поэт.
И старость это смерть, поэт — бессмертье.
Других сопоставлений просто нет,
вас уверяю, — даже не посмейте.

Избытком грёз душа его полна,
чтоб жить и чувствовать для песен новых.
Любовью к вам душа его больна
для излишних нежных и суровых.

Любовь возвёл он в культ, хоть много лет
ему, хоть в голосе и стыд наивный,
но, независимо от лет, в нём нет
усталой старости, он вечно юный.

И потому — бессмертен, он — поэт.
А непоэт же — смертен, смертный малый.
Других сопоставлений просто нет,
не будет; кажется, и не бывало...

2011

ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА

Есть дружба меж людьми, есть и вражда.
Иные связаны любви узами.
Ждала ты принца, я принцессу ждал,
что принц был я, принцесса — ты, не знали.

Неузнанно прождали целый век,
когда узнали, было уже поздно,
угас любовный пыл, померк надежды свет —
и жили розно, и уйдём мы розно.

Казалось нам, что счастье всё же будет,
нам снились паруса и корабли...
Рождались, жили, умирали люди,
жизнь светлую себе не обрели.

Причастный тайнам, не сказал открыто
господь нам ничего, и век прошёл.
Мы оба — у разбитого корыта:
принцесса не пришла, принц не пришёл.

2011

ПУТЬ СМИРЕНЬЯ И ПЕЧАЛИ

По совести, меня ведь жизнь другая
ждала, не принял я её, о друг.
Плач совести моей меня пугает
и мучает — твердит всё, что я трус.

Я, струсив, вместе с тем, в душе заплакал.
О, совесть, молвил я, замучь и задуши!
Я был юнец зелёный, был салага.
Была жизнь тёмной для моей души.

Я выбрал путь смиренья и печали,
как путь без света и без веры путь.
Стихи мои меня не выручали,
лишь помогали падать и тонуть.

А жизнь другая — жизнь в борьбе и гибель.
Я не боролся с властью, не погиб.
И время новое в своём изгибе
меня увидело совсем другим.

Не плачь, о совесть! Ведь та жизнь другая
не есть единственный путь из путей:
смирненные, в печали пребывая,
спят как вулкан, взрываются лютей!

2011

В ДУРМАНЕ ЖАСМИНОВОМ

В дурмане жасминовом под плеск луны
сирень подзабыл я, соловьи не слышны.

Давно ли всё было, всё-всё, голубое.
И было всё это, всё-всё, молодое.

В дурмане жасминовом ты где, тоска?
И негодованье, и порыв? Где искать?

Не реют мечты мои... Веют жасмины.
Клубникою пахнут. И так — сильно-сильно.

В дурмане жасминовом луны качель
уже не чарует... Что с тобой, Сениэль?

2011

НА ПРУДУ...

На пруду, где ива
плачет и роняет
слёзы свои в пруд,
как краса и диво
лебедь выплывает
с поворота вдруг.

Лебедь! Как же это?
И откуда — лебедь?
Верить ли глазам?
Новостью, приветом
и мечтою лезет
в душу, так сказать.

Как плывёт красиво!
Словно вижу юность
и Тамару тут.
Ах, не плачь ты, ива,
радуйся — вернулись
лебеди в наш пруд...

2011

В ЧЁМ ГВОЗДЬ?

Вот ведь в чём отныне гвоздь:
вижу всех я вас насквозь.
Хоть травите, не травите,
никого не хочу видеть.

Даже тех, кто был мне мил,
ненавижу — отлюбил.
Никого не хочу слушать,
никого не хочу слышать.

Что есть дух, душа и грех
в этой жизненной игре?
Непонятно, недоступно.
Как бы и знать вам преступно.

Все бездушны, бездуховны,
поголовно «безгреховны».
Не с кем мне поговорить,
не с кем душу отводить...

2011

НЕ КЛЯНУ...

Всем сердцем и душой тебя любил я,
но оказалось — не тебя, мечту.
И ты, ничтожная, мечту убила,
к ней проявляя дикую вражду.

С бескрылою душой, к мечте тупую,
тупой и к красоте, была слепа
ты в ревности своей, и я тобою
был превращён в домашнего раба.

Да разве ты мечта, достойная поэта,
любимца муз, сердец и божества?!
Ты — бездна мрачная. Ты — жизнь без света.
Ты — смерть моим и чувствам, и словам.

Тебя любил всем сердцем и душой я.
Всем сердцем и душою не клянусь.
Не перестал я жить мечтой большою.
Но перестал я жить рабом в плену...

2011

ПОСИДИМ...

Давай тихо-тихо посидим
те, кто всё же дожил до седин,
вспомним тех, кто жизнью рано сбит
и в сырой земле давно уж спит.

Всех трясла жизнь и сбивала с ног,
спасся тот лишь, кто подняться смог,
устоял и дожил до седин.
Жизнь та ныне в прошлом, позади.

Прекратится скоро наш полёт.
Как и тех, жизнь всех-всех нас собьёт.
И не встать нам, не подняться нам,
будем спать — конца не будет снам.

Слава всем, кто с вечностью был слит.
Помним вас мы те, кто жив, не сбит,
те, кто всё же дожил до седин.
...Давай тихо-тихо посидим.

2011

ДУША МИРА

И ближнего, и дальнего, ты всех
жалел, любил, тебя ж не все любили,
жалели... Ты, любя врагов, друзей,
стал как бы в трезвых их глазах дебилом.

Себя нормальной считая, нас,
поэтов, гениев, людская стая
по тупости своею не считает
за душу мира — нужно это знать.

Ей наплевать на то, что ведь душа
и есть любовь и вседержитель мира,
что добры небожители эфира,
готовые беречь нас, утешать.

Увы, никак уж не дебил поэт.
Он как бы бог, коль дар его от бога.
В ком нет души, нет и ума, как нет
их в камне мёртвом или в пне убогом...

2011

ХОТЕЛОСЬ ВАМ...

Всю правду-матку кривдой заменяя,
меня вы поняли совсем не так,
как я хотел, а поняли меня вы
превратно, как хотелось вам всегда.

Превратно, значит ложно... Вам приятно,
когда людей окутывает ложь.
И в этом только радость, вероятно,
узнать вам в жизни грустной удалось.

Хотели бы, чтоб был я прошельга,
каких и свет не видывал пока,
такой был пьюха, что не вяжет лыка,
развратник был, убийца — на века.

И то, и это — радость вашей своре,
но, к счастью, я даже не литвор.
Вы ж плагиаторы все, вор на воре,
и вором погоняете с тех пор.

Хотелось вам да богу не хотелось.
От лиха нас он спас и уберёг.
Чувашский, русский иль татарский — смелость
он проявил — геройский общий бог...

2011

ТИХАЯ ПЕЧАЛЬ

Жизнь порой глядит на нас немило,
в нас рождая тихую печаль.
Мы живём в подлунном этом мире,
безнадежно взглядываясь в даль.

А луна глядит на нас с печалью.
Улыбнёмся ей печально мы.
Роковой отмечены печатью
ты и я — поклонники луны.

Милая! Ах, что же с нами будет?
Неужели вешняя заря
завтра нас уж больше не разбудит,
во всю ширь играя и горя?

Или ждёт нас где-то час разлуки?
Или мы печальны потому,
что мы слышим траурные звуки,
кроме нас не слышных никому?

Милая! Мы были в этом мире
гости. Пусть печален говор наш,
обошлась жизнь с нами очень мило,
столько продержав на свете нас...

2011

В ДЕТСТВЕ

В детство не впадая, вспомним детство.
Что же на всю жизнь запомнил в нём?
Жил я в деревушке, не в Одессе
иль в Москве, жил как во сне дурном.

И запомнил... голод с малых лет я,
рабский труд, тот детский рабский труд,
на который нас гоняли летом
и в страду тогда, и в не страду.

Было время страшное... Средь хлеба
пухли люди с голодухи здесь.
Всё сметало государство с лета,
хлеборобу оставляя смерть.

Я ещё запомнил мать над сыном,
надо мной, который умирал,
но не умер — так любила сильно
мать меня, что я из гроба встал...

2011

КАК ГРЁЗЫ ВЫ...

Цветут цветы у школьного двора,
сбегая вдоль тропинки даже к речке
легко, свободно, весело, беспечно,
ну словно — врассыпную детвора.

Ромашки, маки детства моего,
вы так спешили, что мне — не угнаться,
и было жаль мне с вами расставаться
как с песней соловьиной огневой.

Не осыпаясь, примула цвела.
На ней пылали утренние зори,
а ночью плыли звёздные узоры
во сны мои — всё юность увела.

Цветы далёкой юности моей,
как грёзы вы, за вами не угнаться.
Ах, с вами б никогда не расставаться,
да вот — зима со стужею своей...

2011

ВЕШНИЕ ВОДЫ

О чём ты пела, вешняя вода,
когда закапали капли с вербы,
сквозили в ветках солнечные ветры
и мнилось нам — весна была всегда?

О чём поёшь ты, вешняя вода,
когда нам не семнадцать и не тридцать
и возле нас чёрт знает что творится,
что не узнаешь толком никогда?

Нам кажется теперь издалека:
о том поёшь, вода, порою вешней,
что над лугами, рощею и речкой
плывут, плывут, как мысли, облака.

Вгоняя в грусть нас или веселя,
о том поёшь, вода, порою вешней,
что вёсны временны, в то ж время вечны,
коль вертится вокруг оси земля...

2011

ВСЁ УЙДЁТ...

Было тихо кругом.
Мы сидели под вёслами
и смотрели как кружит
над нами пчела —
я, мальчишечка светлый,
ты, девчоночка светлая.
Мы не знали, что это
всё уйдёт во вчера.

И что будем жалеть
о том дне мы давнишнем
долго-долго, всю жизнь —
в этот день много раз
куковала кукушка,
белопенная вишня
невдали колыхалась,
приветствуя нас.

...Тихо-тихо кругом.
Мы сидим не под вёслами.
Вёсел нет уж давно.
Подевались куда
и мальчишечка светлый,
и девчоночка светлая?
Но мы знаем — куда
и как скоро уйдём навсегда.

2011

ВЕРНУЛСЯ Я...

Всё как тогда: и тишина, и тени.
За речкой — перепел кричит во ржи.
Нет никаких как будто изменений:
висит луна, остановилась жизнь.

Нет никаких как будто изменений:
стоят те ж вётлы, тот же отчий дом,
от них привычные ложатся тени.
И я стою, не думая о том.

Что ж думать, пусть так всё и остаётся:
остановилась жизнь, висит луна.
Вернулся я. И юность пусть вернётся,
без изменений сохранит меня!

Всё сохранит: и тишину, и тени,
и перепёлку за рекой во ржи.
Пусть никаких не будет изменений,
висит луна как радость для души.

И потоплю в таинственном и милом
всю душу я, которую мне жаль
терять в сём яростном и бурном мире,
терять как свет и светлую печаль.

2011

ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ

Тамаре

Любовь моя, твой предвечерний свет
ловить устал я, больше не страдаю.
Всё реже, как прощальный мой привет,
мелькнёт мечта и в воздухе сгорает.

Ведь нам с тобой немало лет уже,
конец приходит страсти многолетней.
И как печально, грустно на душе,
когда рвёшь связи с первой и последней!

Ты часто, настоящее тая,
по жизни шла блистательной безмерно.
Казалось: ты и есть судьба моя
и должен я быть искренним и верным.

О, юности наивные мечты!
Хоть и была в них ты и только ты,
не сможем уж, не сможем быть мы рядом.
Жизнь такова и в ней таков порядок...

2011

С МАРЬЕЙ...

Ах, надо бы вести себя скромнее
и называть подруг в стихах скромней:
назвать «Лаурой» — это оскорбленье,
назвать «Нарспи» — нехорошо вдвойне.

Назвать же «милою», «родной» — фальшиво
звучит. Иль — «зорькой утренней», «звездой».
А «ясно солнышко» подруге вшивой
совсем уж не подходит, дорогой.

Решив пройти сквозь жизненные бури
с любимой Марьей, так и назови —
при чём Нарспи тут, Шаганэ, Лаура?
Чем хуже твоя Марьюшка в любви?

И связан с нею ты любви узами
не хуже, чем Петрарка иль Пртта.
А пред твоими ясными глазами —
её нетленная вся красота...

2011

БОЛИТ ДУША МОЯ...

Что часто так душа моя болит?
В печали и тоске — душа моя.
Бог праведен всегда, аллах велик,
ничтожен и несчастен только я.

Меня в моём далёком далеке,
когда уйду, кто вспомнит из людей,
хоть я, живя в печали и тоске,
был добрый человек, а не злодей?

Как жаль, что жизнь пока — большое зло.
Но всё-таки желаю всё равно,
чтоб горе стороной вас обошло,
о, люди, чтоб не тронуло оно.

Просты мои наивные мечты:
что видите — всё то в моих глазах,
что слышите — в ушах; просты, просты;
а что неведомо — в моих слезах...

2011

КОГДА СНЕГ...

Когда снег белый хлопьями валит,
и падает, и падает, и падает,
любви костёр представив, заболит
душа, и он теперь её не радует.

А за спиной от пламени костра
тень пляшет, плачет скрипка и рыдает.
От этого боль жгуча и остра,
над головой дух юности витает.

Но сможет ли меня он оживить,
уж старый для любви я, умер, видимо?
Но плачет всё, рыдает о любви
на скрипке тень. И я горю невиданно.

И забываю напрочь, что болит
душа моя: костёр меня так радует,
что весело гляжу как снег валит,
и падает, и падает, и падает...

2011

СПАСИТЕЛЬ

Ивану Егорову

Да, знаем мы с тобой, что всё пройдёт,
что всё уйдёт навечно, как не лей
ты слёз, как не грусти в тени аллея,
иль там, где площадь, иль высокий мост.

Места, где я любил и где бывал,
меня запомнят, и моя душа
с тобой же будет, будет утешать,
любить тебя и вместе горевать.

Когда и ты покинешь белый свет,
хоть умер, не расстанусь я с тобой.
Мы будем живы. Я спаситель твой.
Ведь для бессмертья — смерть уже не смерть.

2011

ГОРЕСТНАЯ ТЕНЬ

Года нас скоро в пыль сотрут.
Уйдём в тщете и суете.
Ах, неужели я, о, друг,
лишь только горестная тень?

Сгорел я, видно, на ветру.
Чуть-чуть в тумане ты горишь.
Сотрут, так что же, пусть сотрут,
в пыль, в тень нас превратят то бишь.

Пища бессмертные стихи,
волненье чувствую в груди.
Порой тихи, порой лихи —
поют ветра в них, льют дожди.

Строптивый стих, страшённый зверь,
не поддаётся мне порой.
Увы, слаб, слаб мой слог, поверь,
ведь я ж не Байрон, я другой.

И сколько б ни было чудес,
умрём в тщете и суете.
Жизнь, дорогой мой, тёмный лес.
И я — лишь горестная тень...

2011

КИЛЛЕР

Не было такого слова: «киллер»,
нынче есть — наймит-убийца, раб.
Денег раб. Одной ногой — в могиле.
Дьяволу — подельник, богу — враг.

Пусть кровавых денег звон и шелест
нежат и ласкают слух его,
в сердце целится на самом деле
он себе — конец готовит свой.

Тайное становится ведь явным,
ничего от бога скрыть нельзя.
Киллер, проклятый и окаянный,
плачет и рыдает, в ад несясь...

2011

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

О, любимый, опустевший сад,
непривычно благоден ты, светел.
Славно похозяйничал тут ветер:
ветки голы — листья не летят.

Подморозило тут на заре.
И ледок растаивает долго.
По нему идя, не падай только.
Осень поздняя уж на дворе.

Осень поздняя, но не зима...
Мой любимый сад, невзрачным стал ты,
как и я, не молодой, не старый,
словно нас не красит жизнь сама.

Не печалься, сад, душа моя,
не грусти и не тоскуй, родимый.
Стой и жди... И расцветёшь ты дивно,
но — не я, но только вот не я.

2011

ОСЕННЕЕ ПОМРАЧЕНИЕ

О, таинство осенних помрачений,
вносящее смятение и тоску
в жизнь грустную мою! Ты в час вечерний,
ненастный, — страх и боль в моём мозгу.

Рассудок и душа, а вместе — разум,
мне говорят, что голос их как бог
надёжен, не собьёт с пути ни разу,
и беды не застанут-де врасплох.

Всё так, всё так... И ветер дико свищет
в окно мне, за окном — то снег, то дождь.
Не покидаю я своё жилище —
в такую ночь куда, к кому пойдёшь!

В раздумьях, в размышленьях жизнь проходит,
сгорая в сложном смысле бытия.
Бездумным никогда не буду я,
кружась в людском бездумном хороводе.

Звездой путеводною душа
ведёт меня, и нету мне покоя
среди убийств, обмана и разбоя.
Иду я, не блуждая, не дрожа.

Боюсь ли я осенних помрачений?
Нет, не боюсь ни днём, ни в час ночной.
Среди смятения, горя и мучений
духовный свет не будет гаснуть мой...

2011

ШУТОВ ЗАСИЛЬЕ...

Никогда в мятущейся России
ни покоя, ни порядка нет лет двести,
коли в ней шутов лет двести в силе
дух наживы, разрушенья, мести.

Только ли в России, но и в мире
из-за них покоя нет, порядка:
войны, революции... Помилуй,
бог, как алчен шут, на злато падох!

И когда ж в мятущейся России,
и не только в ней, народ прозреет?
Не шутов засилье будет в силе,
а людей порядочных? Скорее б...

2011

AVE, MARIa!

Здравствуй, Мария,
поэтесса Вега,
будь ты блаженна
в преддверие века
нового, незнакомого,
строгого, но законного.

Будь и в дверях, и внутри
в вихре света.
Славься, Мария,
поэтесса Вега,
ныне, присно,
и всегда победно,
новая, но знакомая,
строгая, но законная...

2011

БОГИНЯ

Словно я плутал в густых туманах,
по-земному девушек любя.
В этих Верах, Ирах и Тамарах
я искал тебя лишь, лишь тебя.

Видя, что не ты, прочь уходил я.
О, твои улыбка и глаза,
голос!.. Ты меня с ума сводила.
Зов твой тайный душу потрясал.

Залитая солнцем вся, на ниве
золотой любви ждала меня,
говорила, что любовью живы
музы, чтоб творил работу дня.

Уходил ли от тебя? Не помню.
Коль и уходил, была не ты.
Жизнь прошла, и я отлично понял:
ты — Богиня Света, из святынь...

2011

МЕЧТА СТОЛЕТИЙ

О, Инанга! О, мечта столетий!
Я нашёл тебя, но лишь во сне.
Не было и нет тебя на свете,
есть в мечтах, в неведомой стране.

Шёл к тебе, отыскивая сердцем,
Всей душою с самых ранних лет.
Знал, что не найду до дней последних.
Знал, что на земле Инанги нет.

Но ты есть, Инанга Алшигусти!
Есть страна, в которой ты живёшь
без печали, без тоски и грусти
и приветы мне передаёшь.

Ты — единственная, больше нету
у меня из светлых никого.
Хоть мне лишь являешься во сне ты,
о любви, мечтах наш разговор.

И — о счастье... Счастлив я, Инанга,
ведь мечту столетий я нашёл.
С юных лет искал тебя, однако,
и нашёл — пришёл к тебе, пришёл!

2011

ЖИВАЯ ТЩЕТА

Нет чувств, нет мыслей, нет идей...
Вас пересчитывать устал я,
бездарно проведённый день,
ночь, проведённая бездарно.

Как много стало вас теперь —
пустых, никчемных, безнадёжных.
И мнится, что маячит смерть
совсем уж невдали, уж точно.

И в ночь, и на пороге дня
порой мечта крылами машет,
увы, нет сил себя поднять
до низкого полёта даже.

Полёт высокий, где же ты,
где светлый смысл души высокой?
Где люди мысли, не шуты,
у коих — гордый дух, особый?

Всё тщетно — нет таких людей...
И кажется мне, как ни странно,
бездарно проведённый день
прошёл не так уж и бездарно.

2011

НЕТ РОДИНЫ...

Нет родины ни малой, ни большой.
Ведь родина одна, как мать одна.
Любить её готов я всей душой,
но где она? Россия — не она.

Над светлым чувством — родину любить —
глумленья терпим много сотен лет.
Нет родины у нас, отняли, вишь,
простыл в имперском государстве след.

А можно ли, а можно ли вернуть?
Чечен не смог, куда нам, чувашам?
Отнимет скоро и язык наш Русь.
Исчезнет он в угоду сволочам.

В русскоболтающей толпе людей
ты, бывший этнос, кто теперь, скажи?
Манкурт, не помнящий родства, нигде
и никому ненужный. Без души...

2011

НЕ УХОДИ...

Родимая, о мать, на этом свете
была ты мне опорой и надеждой.
Живя пред богом и людьми в ответе,
была всегда и совестью, и честью.

Тепло души, жар сердца отдавала
всё без остатка детям, своим чадам.
Как жаль, как жаль: уходишь слишком рано.
Бездушно время, время беспощадно.

Родимая, не уходи, позволь же
обнять тебя и окружить заботой.
Я уж сказал, но повторюсь, ты больше,
чем просто мать, так создана природой.

Твой образ жив души чувашской светом
и светится во мгле как суть народа.
Родимая, о мать, на этом свете
ты — в нас, а мы — в тебе... мы... в час исхода...

2011

КАК СОЛНЦЕ...

Была как солнце, мать, для нас всегда ты.
И, дети солнца, божью благодать
имея на себе, мы все утраты
просили с наступленьем подождать.

Никто не знал, когда наступят сроки.
Когда б ни наступили, не уйти
от явно непреложного, от рока.
Иного не было и нет пути.

Прости, коль не сумели полной мерой
мы оценить все скорби прошлых лет,
но в наших душах оставалась вера
во всё, что будет тем скорбям вослед.

Рождаться-умирать — закон природы,
для всех знакомый, горестный закон.
Живут-уходят целые народы,
кто с этим из живущих не знаком?

Скудна природа на свои щедроты.
Нет мамы больше, мама умерла.
Я круглый сирота, мы все сироты.
Не стало солнца, наступила мгла...

2011, сентябрь

ПОГОСТ

Год за годом в вечность, в тьму уходит,
оставляя нас в живых пока.
Над погостом облака проходят.
У погоста дума глубока.

Не к погосту тайное влеченье
привело сюда, не соловей,
я пришёл в осеннем предвечерье
на могилу матери моей.

В скорбной дрёме — свежая могила.
Сиротлив стою и одинок,
будто слышу: «Это ты, мой милый?
Коль приехал, здравствуй же, сынок».

Запоздал я... Разглядеть сумела
как она меня? Благодарю.
Ветра вздох... Берёзки зашумели,
глядя на вечернюю зарю.

На погосте белые берёзы
кажутся вблизи ещё белей.
Льём мы вместе золотые слёзы
над могилой матери моей...

2011, сентябрь

МАТЬ РОДНАЯ

Любовь свою нам завещая, боль,
и под землей нас видит мать родная.
И матери нетленная любовь
горит как солнце в небе, не сгорая.

И потому над нами всё светлей
лик мамы светит, дух её витает,
не замыкаться в горести своей
нас учит, учит побеждать страданье.

Мне говорит: «Я оживу на миг
в стихах твоих, и, может, там воскресну,
но как войти в проникновенный стих?»
Ах, мама, уж вошла, ты всем известна.

Я уж сказал: ты — в нас, а мы — в тебе.
Я не казнюсь, горя не престаю.
Ты — жизнь в моей безрадостной судьбе,
в моих трудах во славу Чувашстана...

2011, сентябрь

БЕРЕГИТЕ...

Плачу я, навеки мать утратив,
пел бы, коли мать была жива.
Именем семи родимых братьев
говорю заветные слова.

Как зеницу ока берегите
мать свою от тягот, от обид.
Сто забот придумав, не бегите
от нее вы, обвиняя быт.

И, в быту увязнувшие, ловко
под каблук попавшие, вы с ней
будьте всё же ласковей, ведь слово
злое наше ранит всех сильней.

И от неудачных жён удачно
оградите мать, родную мать.
Заклинаю: берегите мать вы!
Мать уйдёт, как это не понять?!

И ушла, в душе оставив рану.
И ушла, и боли не унять.
Я прошу вас: берегите маму.
Дети, берегите вашу мать...

2011, сентябрь

БЕРЁЗА

Берёза, берёза, как нынче мне больно.
И песнь моя стынет в крови.
Та боль отзовется в душе, и невольно
я плачу, шепча о любви.

Мы семеро братьев остались без мамы,
остались и двое сестёр.
Мы горя такого большого не знали,
познав, сокрушаемся столь.

Берёза, берёза, родная берёза,
твой тих золотой листопад.
Я вижу, я слышу, не листья, а слёзы,
берёзоньки слёзы летят.

На холмик могилы гляжу я со скорбью,
гляжу на берёзовый крест.
Недолго, уж чую, недолго, а скоро
мне быть под крестом этих мест.

Берёза, берёза, я старший, не младший,
у матери среди сыновей.
Берёза плакучая, что ж ты так плачешь,
над матерью плачешь моей?..

2011, сентябрь

ОПОЗДАЛ

Я, путник запоздалый, опоздал,
не проводил тебя в твой путь прощальный.
В автобусах, такси и поездах
с чужбины дальней ехал я, печальный.

Мук облегчить не смог твоих тогда
и маме долг последний свой не отдал.
Наверно, не оставят никогда
раскаянье и боль меня, урода.

Прости, прости! Я, мама, виноват!
Твой сын в тот день с тобою не был рядом.
Искал и не нашёл меня твой взгляд.
Не дождалась ты, дождалась зря ты.

Поклон последний маме — без неё.
Раскаяние душу жжёт и давит.
А горе чёрное в тиски меня берёт —
толкая в тьму и немоту, отравит.

И на душе — такой тяжёлый гнёт!
А сердце словно сотни игл терзают.
Не затихает боль моя, растёт.
...Но мамы нет, она о том не знает.

2011, сентябрь

НЕТ ТЕБЯ...

Сны мучают меня, о мать: как хочешь,
так и спасайся — за ночь сколько вот
ты из романа «Белый свет» выходишь
второго сына, братца моего.

В трёх книгах он тебя изображая,
мне кажется, геройство совершил:
ты там бессмертна, там ты как живая.
Живёт чуваш — ты тоже будешь жить.

Сядишься рядом, чтоб вести беседу
со мной ты тихую, меня любя.
И речь твоя волной прихлынет к сердцу,
колдуя, радуя, но... нет тебя.

Я просыпаюсь в ужасе и плачу.
О, сны! Вы, сны, замучили меня!
И ни один из вас не обозначу
особо: всё одно, все смерть винят.

Отринув мрачный холод, мрак могилы,
придёт мать к сыну, как всегда любя.
Ах, мама милая! Ах, сон мой милый,
как счастлив я, но... нету, мать, тебя.

2011, сентябрь

РЕКВИЕМ

Слагал и плакал... Ветер выл сердито...
Лил дождь... И реквием их замыкал...
Оплакивая мать, сын-композитор
сложил о маме песню на века.

Хоть он давно не отрок малолетний,
хоть он давно знаком с ненастным днём:
«Мой младшенький, сыночек мой последний», —
во сне моём сказала мать о нём.

Ах, наша мама... Скромность и величье.
Ах, облик мамы... Светлость тайных сил.
Что нашей мамы не могу постичь я,
не раз я, удивляясь, говорил.

А младшенький постиг, оплакав песней.
Мы душу дома, мать, не сберегли.
От песни веет благодатью вешней.
Мы радость, утешенье обрели.

И слёзы, что в очах его застыли,
и звуки, что блистали в песне той,
как звёзды, в сумраке ночном светили.
Дрожал, волнуясь, голос молодой...

2011, сентябрь

МАЛЬЧИШКОЙ...

Мать — божество: так повелось исконно.
И мать свою мы очень любим — дети.
Как непривычно, мама, как прискорбно,
что ты, родная, не живёшь на свете.

В родных пенатах и в чужих пределах
дивился я твоей душевной силе.
Чему, скажи, теперь дивиться в смелых
моих стихах, когда ты, мать, в могиле?

Гордился я твоим пресветлым духом.
А чем, скажи, теперь мне так гордиться?
Не поделюсь ни с другом, ни с подругой.
Никто из них на это не годится.

Мальчишкой умницей считала сына;
похлопывая по спине, ласкала.
Ещё не старой, заболела сильно,
не поднимаясь, при смерти лежала.

И слёзы полились у нас рекою,
боясь тогда за жизнь твою святую.
...Теперь ты гладишь тихую рукою
во сне лишь голову мою седую.

2011

ПЕСНЯ О МАТЕРИ

Белый свет лучист, приволен воздух.
Очи мамы радости полны.
Собирались мы как ночью звёзды
собираются вокруг луны.

Раньше проходила жизнь иначе,
нынче нас подстерегла беда.
Нету мамы, нету мамы нашей,
нету и не будет никогда.

Нам казалось и всегда казалось,
что пока в пути мы, сыновья,
ты осилишь годы и усталость,
не потухнет искорка твоя.

Нам казалось, каждый был уверен:
смерть тебя не тронет, обойдёт,
нас не оглушит такой потерей,
всё-таки нарушит свой черёд.

Мама, твой огонь, огонь всесильный,
озарял нам в жизни все пути,
но угас он и угас светильник.
Как пройти во тьме нам, как пройти?

Приходя к холму твоей могилы,
я склоняю голову свою
и за то, что ты меня взрастила,
песню благодарную пою.

Раньше проходила жизнь иначе,
нынче нас подстерегла беда.
Нету мамы, нету мамы нашей,
нету и не будет никогда...

2011

СПАСАЛИ...

Не забыть, как мы с отцом спасали
маму, как на лошади везли
двадцать километров сплошь лесами.
И её мы всё-таки спасли.

В райбольницу полночью буранной
привезли — у бездны на краю
эскулапы сразу двести граммов
в маму перелили кровь мою.

Не забыть, и как же то забудешь,
коли после мама прожила
полувек ещё, коль ты пребудешь
столько ж в радости, что мать жива.

Пусть я полон скорби и печали,
омрачить мне память не смогли.
Маме ли, себе ль — шепчу ночами:
«Всё-таки спасли тогда, спасли»...

2011

ЖУРАВЛИ

Придёт весна, и журавли над нами
появятся, высоко пролетая.
А не летит ли с ними наша мама,
её душа, иль то — мечта пустая?

Пришла весна, и журавли курлычут,
что нету мамы среди них пока что,
но кличут жалобно, давно уж кличут
её к себе, хотя и неудачно.

Прошла весна, нет журавлей над нами.
И летом вся в заботах жизнь людская.
Нигде нет мамы, нету нашей мамы,
найти, увидеть — лишь мечта пустая.

Уж осень вновь, и журавли на небе
прощальным клином к югу потянулись,
мне сверху прокричав: «Нет с нами, нету
той, кто недавно смертным сном уснула».

2011

ВЕРНУСЬ

Мать умерла, отца давно уж нет,
родная деревенька не мила
мне без него и не мила вдвойне
без материнской ласки и тепла.

Я в деревеньку эту не вернусь,
ведь мне обратно нет пути сюда.
И на душе тревога, страх и грусть.
Погасла, не горит моя звезда.

Коль я скитаюсь по краям чужим,
чужбиной и окончится мой путь,
а на чужбине жизнь моя — не жизнь.
Ах, деревенька, будь со мной, побудь.

Понятно, что приходится пройти
земные все круги-пути в трудах.
Зачахну — мне покоя не найти
в иных, в чужих, в неродственных местах.

...Весна. Погост. Соловухи поют.
Спят вечным сном мои отец и мать.
Нет, нет, вернусь в деревню я мою.
Вернусь, чтоб здесь, в деревне умирать.

2012

ДУМЫ

Я помню, был я молодым да ранним,
а ныне круто под уклон иду.
Уж не подняться выше — раны, раны
душевные гнетут и старят, жгут.

Тиранит душу всё пережитое.
Стал чаще плакать, чаще горевать.
Когда остался круглым сиротою,
поникнув, поседела голова.

Душевных сил становится всё меньше.
Спротивляясь на пределе сил
невгодам нынешним и отшумевшим,
я сник, в себе я искру погасил.

Нелёгким предаюсь воспоминаньям.
Где круг друзей? Где круг моей семьи?
Да, был, бывал я молодым да ранним,
но где они теперь — года мои?

Видения безжалостные бредят,
тиранить будут и в последний час.
Чем меньше остаётся жить на свете,
тем больше ужасают думы нас.

2012

ПОКА ЖИВУ...

Пока живу, тебя я признаю
и рад тебе, так будет до кончины
моей, а после... после в том краю,
где нету жизни, мёртв я — дурачина.

И посему: давай встречаться, быть
в любви и дружбе, уважать друг друга.
Обиды, говоришь? Простить, забыть!
И так, без них, непросто жить нам, туго.

Мы ж люди... Будем же всегда людьми.
Приветливо чувашским окликаю,
тебя я подзову, и, наслаждаясь, мы
споём родную песнь о нашем крае.

Когда в страну иную перейду,
где нету песен, не смогу запеть я;
ты запоёшь, но тщетно — не дойдут
те звуки до могильного запечья.

Люби меня, люби, запоминай,
пока я здесь, пока есть мощь и сила,
а кончусь — лихом ты не поминай,
так как тебя в душе своей носил я...

2012

БЕЛЫЕ СНЕГИ

Идут белые снеги...

Евг. Ештушенко

Снеги белые-белые
шли и ныне идут.
Речи смертных несмелые
слышу я там и тут.

Твари божии бедные —
для чего мы живём:
тихие, безответные —
воду пьём, хлеб жуём?

Как сыр в масле катаются
богатеи в стране.
Жить и мы вот пытаемся,
да сноровки, вишь, нет.

Всё идут снеги белые.
Сколько вон намело.
Всё кругом заметелило —
стало белым-бело.

Снеги белые-белые
уж не радуют нас.
Нету доли у бедного,
есть недоля одна.

Жизнь другою не сделаешь
среди горя, беды.
Снеги белые-белые
заметают следы...

2012

НА СЕРДЦЕ ПЕЧАЛЬ

Всем известно давно: жизнь мгновенна.
Не хотелось, но стал понимать:
буду скоро я старцем согбенным,
чтоб согбенность свою проклинать.

Будут годы ещё, но немного,
чтоб встречать и закат и рассвет,
что не в радость теперь и не внове.
Жизнь ушла из души, света нет.

Мать! Отец! Вы одни незабвенны!
И навеки на сердце — печаль.
Мне известно давно: жизнь мгновенна.
Не себя, вас, родители, жаль.

Расставанья минута настанет,
задрожу — словно в чём виноват,
стану к небу взывать, плакать стану.
Я отчаяньем чёрным объят...

2012

ДОБРЫЙ СВЕТ

Твой добрый свет я ощущаю силой,
которую ценю в себе и чту —
в судьбе моей, отныне не бескрылой,
найдя и вдохновенье на свету.

Противится душа. Смогла б и воля
дарения такого не принять.
Но этот дар, неведомый дотолле,
хочу прочувствовать, хочу понять.

Душа болит, сомненья одолели,
хотя она и трепетна, чиста:
любовь к тебе считая добрым делом,
боюсь, что вдруг тебе она чужда.

Хочу дружить с надеждами благими.
И коль любви признание суждено,
ты предо мной твоё возвысить имя,
мне показав, сколь солнечно оно...

2012

РАЗЛАД

Река светла. Не слышно рыбьих всплесков.
Зелёный цвет расколот — не исчез —
на желтизну воздушных перелесков
и режущую зреньё синь небес.
Хоть стадо по утрам ещё пасётся,
но выгоны разбиты в эти дни
на травы, изумрудные на солнце
и белые от инея в тени.
Ну просто диву на себя даёшься —
такие краски ясные легли,
а я бреду по выющейся дорожке
вдоль тонко застеклённой колеи.
И, смутной грусти отдан без остатка,
припоминаю все твои слова,
то горько на душе моей, то сладко —
дымком пахнёт горящая ботва,
и небо заструится над дорогой,
ведущей в даль и вновь к тебе — назад...

Но, может быть, слиянием с природой
зовётся даже этот вот разлад?

2012

ПРИЗРАКИ И ТЕНИ

Дождём ли нас балует жизнь иль метелью,
иль солнечным светом, напомним сурово:
всем стать в скором времени призраком, тенью,
родимые призраки, тени былого!

Ушедшие! Помните ль род свой, цвет крови?
Иль память отшибло, не помня, забыли?
У призраков, теней — ни крови, ни крова,
лишь только при жизни, у здоровых, всё было.

И нам не тревожно, тем, кто это понял.
При жизни иные в гордыне забудут
и памяти память — отца, мать не помнят.
Уж здесь эти люди да прокляты будут.

И нам не пристало и речку, и поле
мертвить грубым словом, раз станем теньями,
раз это — судьба, скажем в горе-неволе:
мы тени от тех, кто сияет над вами...

2012

ГАРМОНИЯ

Как когда-то я верил надежде
на пороге счастливого дня!
Жаждал я повзроления прежде,
и теперь оно есть у меня.

Повзрослев, слушал ветер полночный
и журчание резвой струи.
И нашли это люди порочным,
проявляя пороки свои.

Есть ли твари меня бессловесней?
Я молчал и не лез на рожон,
но сказаться случайною песней
не хотел — был поэтом рождён.

Строй созвучий немых и волшебных
молодит душу жизнь напролёт.
И земная тщета, и ущербность
уж не могут ударить мне в лоб.

И под старость я верю надежде,
жду счастливого светлого дня.
Я гармонией жив как и прежде,
и она окрыляет меня...

2012

ЗОЛОТОЙ ЗВОН

Мчались годы, ставшие потом,
как и ожидал, моей судьбою.
Дни минувшие, они всегда со мною.
Не корю их в звоне золотом.

Помните ли, был я сердцем прав.
Будете и приняты, и вхожи
в мир мечты, и, душу растревожа,
всё открою вам и всё отдам.

Песнь моя с моих слетает губ.
Я пою, гортани не жалея.
И порыв чем выше, тем светлее.
Только тут божественная глубь.

Иногда вечернею порой
замолчу вдруг, слушаю молчанье,
не ищу хвалы в нём, обещастья,
как слепой, прощупывая строй,

как немой, разглядывая звук,
чтобы уловить в неуловимом,
в мире не мечты уже красивом,
тайну божью, где — начало, друг...

2012

ВОИТЕЛЬ

Пожалуй, свет не скоро я покину,
романтик бывший и идеалист.
Имею голову. И я не гибну.
И я осознанно всегда иду на риск.

Воитель я. И я не знаю страха.
Не убоюсь я пули, ужасов в ночи.
Хоть и идёт всё в мире этом прахом,
не тороплюсь безвременно почить.

Пусть всё утеряно, дождями смыто,
снегами стаяло, развеялось песком,
искать не буду у небес защиты,
упав в траву пожухшую ничком.

Когда бы с грозами и вы дружили,
сражались с мраком, правили судьбой,
тогда б и жизнями получше дорожили,
вершился б справедливей суд людской...

2012

В ЧУЖОМ САДУ

Не говорю я о дожде
в беседе с листьями ночными.
Мой сад не этот, где он, где?
Иль сад чужой — мой сад отныне?

За что волхвующая тьма
бросает в омут наважденья?
И озадачен я весьма
среди листьев речи пробуждением.

Зуд говорить мой так уж жгуч,
никак не сделаешь секрета.
И пред собой я вижу луч
сквозь тьму пробившегося света.

Ведь светлое всегда со мной.
Со мною — мира измененья.
Они крепили голос мой,
моей судьбы ковали звенья.

В чужом саду о чём гадать?
Найду свой сад душе в угоду,
чтоб песни сердцем передать
всем собеседникам природы...

2012

Я И ТЫ...

Вот луна поднялась... Ну что ж...
Вот сверчок, истомлённый страстью,
точит в сердце астральный нож.
Жив-здоров ты, в уме своём, к счастью.

Вот серебристый пучок луча,
звук серебристый, как ключ гармоний.
Дуну в них — и начнут звучать.
Их извлёк я из лучших симфоний.

Как наощупь будто искал,
так давно по ним сердцем тоскую;
в лабиринтах ночных зеркал,
не увидев, потерять рискуя.

Вот и лезь в глубину — и сам
припади: и увидишь ясно
даль... Так что ты слышал там?
Или всё же припадал напрасно?

2012

ОГОНЁК

Когда же чаемый зажжётся огонёк
навстречу мне доверчивым приветом?
Жду целый век, затем и не поплёк,
бывая столь непостигаемым при этом.

Есть что-то скрытое, родное в нём.
Есть что-то и идущее навстречу
лишь слуху тонкому, постигнутому излом
надмирной грани, что лишь я замечу.

И вижу чаемое, что оно
как бы осмыслено и тронута душою,
и светится, и так отдалено —
как бы мерцает за горой большою.

...Эй вы, плуты, земные до сих пор,
хочу, чтоб вы не ползали без цели:
услышали светил вечерний хор —
и видели, и плакали, и пели...

2012

ПИИТЫ ВЗДОРНЫЕ

Пииты вздорные, друг друга мы
не любим, а точнее — ненавидим.
Желая не удачи всем — тюрьмы,
готовы сами к всяческим обидам.

Да, Сеспель, изменился отчий край,
но радуемся, кажется, напрасно.
В психушку не сажают, в местный рай,
а всё равно — тревожно и опасно.

Забыть ли, что сажали? Не забыть!
И как же это сразу, враз забудешь?
Губить и дальше будем, так и быть;
друг друга: коль не я, так ты загубишь.

Баркас наш не плывёт, мелка вода,
его мы посуху, нет, не потащим.
Хоть стукачей полно, но не беда,
нет Сеспеля — вот это очень тяжко.

И киллеры теперь уж не страшны,
но радоваться всё ж и быть весёлым
от этого никак мы не должны,
когда — в раздорах, в ненависти всё мы.

И больно мне, и горько, и нет сил,
пииты вздорные, сопротивляться вздору:
в болото втягивая, топит жизнь,
перед глазами смерть мою узорит...

2012

ВОЖДЮ

После вас и других вождей
сcurвились мы, товарищ Сталин,
смысл событий и суть речей
смутными, тёмными стали.

Каждый из нас болезнь имел,
жили мы — исцеленья ждали.
И тогда я взглянуть посмел
в глубину несоветской дали.

Там сияла соблазнов тьма
и сверкала надежд армада.
И сводили меня с ума
бесы, к нам налетев из ада.

И теперь их найдёшь везде.
Их, блудивших в веках в России,
не утопишь в ночной воде,
не изжаришь — изжаришься с ними.

...Мимо сада мы шли и птиц,
новизне тишины дивились.
В бледности отрешённых лиц
громы будущих битв таились.

2012

БРЕЖНЕВСКИЙ СТРОЙ

Были годы — не пел, не дышал.
Были годы — дышал, но не пел.
Как умел, сам себя утешал,
а других понять — не успел.

Трудный путь я, вестимо, прошёл.
Истомил меня круг разных бед.
И от всяких положенных зол
никакого спасения нет.

В этой сложности много причин.
И какой нам от этого прок?
Отрешиться бы всем от личин,
размышления помня урок.

Но добреет, видимо, свет,
как мне кажется, братцы, порой.
Не припомню заветнее лет,
хоть и был тогда брежневский строй.

Не берёт меня недругов сглаз.
Песнь моя — не прощальная песнь.
Уничтожить хотели не раз,
но — живу, но — не сгинул, но — есмь!

2012

ЧА́ВАШЪЕНЬ

Позови, Ча́вашъень, позови,
испытай ещё раз ненароком
ты поэта в сыновней любви,
вдохновляя в порыве широком.

Зов приняв, поднимусь и пойму,
что тебя всех яснее увижу,
что известно лишь мне одному —
с каждым часом ты сердцу всё ближе.

Не напрасно же верой святой
озаряемым в муках бывал я.
Ты осталась не только мечтой.
Ты величье душе даровала.

Ча́вашъень мне на счастье дана.
Я, из племени вечно поющих,
говорю: ты — юна, хоть древна;
ты — надежда, опора для лучших.

Потому-то твою землёй
засыпают закрытые очи
тех, кто свет незапамятный твой
добывал в беспросветные ночи...

2012

БЕЗ СЕСПЕЛЯ...

Без Сеспеля, не Сениэля,
поэзия, что сирота:
живёт, но дышит еле-еле,
нет чувства в ней, есть суррогат.

Нет мысли тоже... Обездушена
душа пиитов, чуть жива
поэтому она — нарушена
гармония, жизнь — как вдова.

Не стать поэтом иль писателем,
пииты, вам, не дорожа
душой, державы основателем,
чьё имя — страстная душа.

Когда, устав от тягомотины
трудов бесплодных и брехни,
как мёртвый стал, корябишь мёртвое,
вдохни и Сеспеля вдохни.

Но вряд ли сразу звуки лирные
нахлынут, раз ты лишь пиит.
Хоть у бездушного жизнь длинная,
дух мёртв — и сердце не горит...

2012

НАВСЕГДА...

Нам как дожждаться солнечной погоды:
зимой — снега, а осенью — дожди?
Напрасно, может, тратим дни и годы:
одно ненастье, беды впереди?

Нам недосуг, нам разобраться толком
мешает время — и дела, и сны.
И вот приходит час в пути недолгом,
несчастный час, и нет ему цены.

Хоть он для нас не счастье, — его кроха,
и время будет так же течь и течь,
не надо расставаться с ней без вздоха,
чтоб научиться малое беречь,

предвидеть предстоящие печали,
предвидеть невозвратность злых идей,
предвидеть также скучными ночами
веселья дни, усладу чудных дней.

И солнце будет, и весна придёт,
растает снег и сгинут холода.
Ведь солнце и зима, весна — не люди,
которые умрут и — навсегда...

2012

СНЫ ДУШИ...

Как сны души родной, поля и речки,
холмы и перелески, небеса.
Благославляя их, о наших встречах
стихи хорошие бы написать.

О, полдень тёплый, сотканный из света!
О, край любимый, незабвенный край!
Как радостно, когда цветут всё лето
сирень лиловая, пурпурный иван-чай.

Не обижайтесь, сетовать не надо
на краткость долгих незакатных дней.
Увы, не знаю как продолжить радость,
спросите тихо у души своей.

Огнём пурпурным и огнём лиловым
цветам, поймите, не всегда гореть.
Есть на земле у нас закон суровый:
цвести, благоухать и умереть.

Нас радуя, пусть дольше длится лето.
И ты, душа, будь бодрой, не скучай.
И пусть в лучах полуденного света
вовсю царят сирень и иван-чай...

2012

ОТЦВЕТАЕТ СИРЕНЬ

Часто здесь прохожу возле тёмных кустов,
так похожих недавно на чудо.
И смятенье в душе, и надежды росток —
прохожу я туда и оттуда.

Отцветает в тиши, отцветает сирень
в молчаливом безветрии лета.
И сиреновой дымки уже в этот день
нет над ней, нету ярости цвета.

С каждым днём убывает её красота —
лепестками покрылась тропинка.
Словно будто б поспешно уходит куда —
ах, останься-ка, не торопись-ка.

Разве можно привыкнуть, и как привыкать
мне к безжалостным срокам цветенья?
Ведь отцвёл я, и юность моя далека —
и тревога в душе, и смятенье.

Над июньской землёю — безветренный день,
и лиловое облако тает.
Отцветает сирень, отцветает сирень,
отцветает...

2012

НОЧНОЕ ПИСЬМО

Помнится, я влюбился впервые.
Лет пятнадцать мне было тогда.
И стрела поразила навывлет
моё сердце — письмо накатал.

Вот он, лист тот — тогдашней бумаги.
Думал: дай напишу — что хочу.
И к нему в заозёрном сельмаге
я куплю золотую свечу.

Поздним вечером, в лёгком тумане
нарыбачусь, зажгу огонёк
и засяду за «стол» на поляне —
стокольцовый широкий пенёк.

В отдаленьи костёр тихо тлеет,
разгорается — уголь к углю.
Ничего не придумать светлее,
чем короткое: «Томка, люблю!»

Написал? Так добавь, что мешает,
что же с ней разлучает в ночи?
Ведь свеча оплывает — строчи!
Но докончить письмо не хватает
не печали, не ночи — свечи...

2012

НОЧЬ. СНЕГ...

Не жду гостей, какие гости?
Уж поздно заходить ко мне.
Огонь в соседних окнах гаснет.
Я с полночью — наедине.

Не оглянуться не могу
на путь мой прошлый, поседелый.
Я, может, у него в долгу,
о, чистый лист бумаги белой?

Всё — мимо: и дела, и сны.
Когда ж в них разобраться толком?
Но вот однажды в жизни долгой
приходит миг, и дни — ясны.

Они все — считанные дни.
Им нет цены в грядущих бедах.
Мы перед смертью искони
мечтаем только о победах.

Войди же, о высокий слог,
войди в строку стихотворенья,
ты слово «умиротворенье»,
явись, восторга холодок.

И нынешний тревожный век,
ты здесь, наедине со мною
и полон ночью, как и снег,
неизъяснимой тишиною.

Сквозь снег я вижу огонёк,
зажжённый в доме молчаливом.
Он очищающе счастливым
мне ощутить себя помог...

2012

НЕСБЫТОЧНОЕ

Несбыточное всё с тобой, все дни:
в дни непогод, и в день, как нынче, ясный.
И никого за его зов напрасный,
как и себя, ты просто не вини.

Несбыточное нас зовёт, но мы
не называем всё же это вещим.
Необъяснимые бывают с нами вещи.
Как объяснить? Глухие мы умы.

У озаренья, видно, смерти нет,
оно в сердцах возникнет снова-снова.
Несбыточное — озарения основа,
несуществующий на свете свет...

2012

БОЛЬНЫ...

Строка ударит в сердце прямо,
и память поведёт строка.
Как пусто. Лишь растёт упрямо
холм отчуждения пока.

Каким несправедливым ветром
нас разбросало всех тогда?
Не ждите от меня ответа,
вы сами знаете, года.

Как холодно и безразлично
предательства замкнулся круг.
И первым делом, как обычно,
рук не протягивает друг.

И, вижу, отказал в доверье.
Не узнаю его я глаз...
Стучатся всё, стучатся в двери
стихи мои — в полночный час.

Идут воспоминанья дымом,
по ветру времени скользя.
О, как больны непоправимо
меня предавшие друзья...

2012

ПЕРЕД БОГОМ...

С чистотой ребяческого взора
я — поэт — гляжу в глухую даль,
вспоминаю тихо дни позёра,
навевая сердцу грусть, печаль.

Молод был и глуп, хотелось славы.
Для чего и почему? Пойми...
Постижение ль сути было главным?
Нет. Поверхностно смотрел на мир.

Легкомысленно несясь по жизни,
не глядел в таинственную даль
и не пробуждал я в сердце чистом
вековую звёздную печаль.

И никто не звал поэта в выси
поутру иль на исходе дня,
дух мой перед богом не возвысил,
к звёздной грусти приобщив меня...

2012

ДОМИК В ПРИГОРОДЕ

Вот домик в пригороде. Тут я жил
в семидесятых. Молодым был парнем.
К себе домой по вечерам спешил
один всегда, бывало — и попарно.

Белели под окном берёзки. Я
девицу не пускал в мой дом, боялся
соседей, слезки, что мои друзья
организовывали, для чего — неясно.

Но вскоре прояснилось: чтоб поймать
и обвинить в моральном разложении.
Моральный дух высокий мой ужели
им — яд? Что — дух, на дух им наплевать.

Хотели чистого перед обкомом
дискредитировать, оклеветать,
отрезать путь в литературу, дать
душить меня, как Мастера, «законно».

Я приходил сюда когда-то, мир был зыбок,
и торопился, чтоб отвести беду.
Ты помнишь, домик, как я на виду
пронёс тяжёлый крест своих «ошибок»?

...Стою и плачу, а друзей уж нет,
как и обкома. Рядом — лишь деревья.
Прошу я их совсем не о доверье.
Прошу... о милосердии ко мне.

2012

МИГ ЗОЛОТОЙ

Я думал, что всё в мире испытал,
но почему тогда мне всё желанней
грядущее? И будет так всегда.
И будет нелегко без ваших пожеланий.

О прошлом, о былом я откровенно
вам говорил, — о миге золотом.
Там было всё, чем жизнь благословенна.
И молодость, и юность были в нём.

И слышится как гул он в отдалении,
переходя в заветные слова.
Они теперь — как некое даренье.
Я их тогда угадывал едва.

И, жизнью дорожа, порой молчаньем
я тоже дорожил, любил его.
Когда молчишь ты, переждать отчаянье
тебе удобней в духе боевом.

О, кладбище утрат! Не потому ли,
что, их терпя, ты слёз не унимал,
всё воплотил в томящем душу гуле?
О, миг! Миг золотой! Как всё ж ты мал...

2012

ВСЕГО-ТО И НАДО...

Чтоб меня вдохновенье во дни его спада,
в дни унынья мои, посетило как друг,
мне всего-то и надо,
всего-то и надо — весеннего сада,
и в нём яблонь цветения — светлых подруг.

В белопенном саду соловью все мы рады.
Чтобы сердце моё охватило огнём,
мне всего-то и надо,
всего-то и надо — на добрую радость
спетых песен любимым моим соловьём.

В эту синюю ночь сокровенной порой звездопада,
дорогая, тебе я скажу не тая:
мне всего-то и надо,
всего-то и надо, чтоб ты была рядом
здесь со мною в саду и — улыбка твоя.

Помним мы: есть цветенья пора, есть пора снегопада.
Если стужа дыхание вдруг обожгла,
мне всего-то и надо,
всего-то и надо, чтоб ты этим садом
мне была, чтоб оставить мне столько тепла...

2012

ДО ПЕРВОЙ ЗВЕЗДЫ...

Прощай, вечеряющий день, —
мелькнувшее тихо мгновенье.
Не чьей-то руки мановенье
меня остановило здесь.

Пригорок лесной некрутой
всегда для меня как загадка.
Недолго уж и до заката,
до первой звезды над рекой.

Мне грустно бродить в этот час.
Мне памятно наше прощанье,
когда, позабыв обещанья,
друзья уходили от нас.

Их вспомня, печаль разбужу...
Всё меньше становится света.
Я в сумерках тёплого лета
немного ещё поброжу.

Тревожный затихнет пусть звук,
струной пусть в душе оборвётся,
душа же как птица взметнётся.
Пусть гуще стемнеет вокруг.

Увижу звезду, ё-моё,
не так, как друзьям приходилось.
Увижу я так, чтобы длилось
горенье земное моё...

2012

ПОТОМУ ЧТО...

Если в небе вечернем
не найду той звезды,
для которой я друг
и товарищ как ты,
от тревог ли, от ветра
я иззябну в пути,
мне дороже тебя
никого не найти.

И стремлюсь я к тебе,
дорогая моя,
как к звезде, той звезде,
скорбных чувств не тая,
потому что тебя
уж давно в мире нет,
и встречают меня
лишь твой свет, лишь твой след.

2012

АТТИЛА

Я не Атилла, Атӕл-паттӕр я.
Со страху получив косноязычье,
наврали моё имя вы облыжно
иль просто так, глумление творя?

Враги, меня вы стали забывать
и стали насмехаться надо мною.
А над моим народом вы как много,
как долго измывались вновь, опять!

Давил его и запад, и восток.
Не ложь, а истина лишь мне отрадна.
Я не приемлю вашего порядка.
Бич истины — он должен быть жесток.

Я поднимусь из глубины веков.
Я — царь и бог. И я пойду по свету
карать врагов по божьему завету.
И буду на коне с мечом я вновь.

Считай, что меч в ножны я не вложил.
Враги суваров пусть поймут повсюду:
я был всегда, я есть, я вечно буду,
бессмертен я и неопровержим.

Искореню гордыню их и зло.
Живу. И я не умирал как будто.
Пусть помнят ежечасно, не забудут,
что навсегда возмездье к ним пришло.

2012

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Поэзия освобождает
меня от самого себя.
Я будто бы с высот каких-то
смотрю на самого себя.
Когда живу стихами, в высях
я чувствую всегда себя.

Нас двое: я и одиночество.
Люблю я самого себя,
а одиночество — не очень.
Спасая самого себя,
бегу от самого себя я,
тогда сильнее я себя...

2012

ВРЕМЯ

Время — и во мне, и в вас, повсюду.
Не дано коснуться нам его.
Отвечайте на удары жизни
песнью любви — без ничего.

Выпущенный богом на арену,
думаешь ты: времени полно.
Буйствуй, хорохорься, ерепенься, —
бесконечным кажется оно.

И оно тебя не только лечит,
и спасает иногда тебя,
потому не думаешь о крахе,
полном крахе, прихоти любя.

Между тем, угадывая гибель,
мир заполнен прахом и тоской;
душу распалённую терзая,
людям смерть несёт дух смрадный свой.

Всюду проникай, всё рассуди ты
и живи без тьмы внутри души.
Не грусти, будь без единой тени,
лишь тогда поймёшь ты эту жизнь...

2012

ХОТЬ ЗНАЮ, ЧТО...

Как ветры времени порой свирепы!
Я жив ещё, здоров, а вот руки
моей коснулся холодок нелепый
прощанья, обречённости, тоски.

Ужель известно время отпавленья
и радует кого-то мой уход,
никто и не оценит на мгновенье
раздумчивость моих земных забот?

Я радуюсь, как солнечному свету,
что чуткость сердцу моему дана
и честность богом, счастье моё в этом.
О, как нужна мне радость, как нужна!

Пусть увлекает жизнь, её течение.
Лукавить не могу и не хочу.
Там — горизонта дальнее свечение.
К нему, наверно, не иду, лечу.

О, люди праха, шедшие к пределам,
я радуюсь, когда всегда в пути.
Я рад, что я живу на свете белом,
хоть знаю, что уж скоро мне — уйти...

2012

ЛЕНИН

Дед Ленина — суваро-гунн-чуваш.
И Ленин наш — суваро-гунн... Аттилы
взыграли гены (перекочевав
от пращура в него) со страшной силой.

И Ленин мир за десять дней потряс
так основательно, что все мерзавцы
земли, которые топтали нас
столетьями, нас стали опасаться.

Бояться стали, нервничать, дрожать,
потом и вовсе впали в истеричность.
Чуваши ж перестали вымирать
и вспомнили величие, историчность.

Пять тысяч лет великим был народ!
И сколько от суваров ответвления!
И гены Ленина, взыграв, вперёд
нас двинули — бессмертен он, наш Ленин.

Не умер Ленин, Ленин только спит.
Шумеры мы, сувары, а не тюрки.
Проснётся Ленин, и тому порукой —
Аттилы гены... Дух наш не скорбит.

2012

ЗЕМЛЯ ОЗАРЕНА...

По дням, по годам мчусь,
и будто всё — пустое.
Никак не распрощусь
ни с горем, ни с бедою.

Земля озарена
земною благодатью.
За малое — сполна
готов всё-всё отдать я.

Тогда что ж стали вдруг
мне тяжелы ступени?
Не оттого ль, что друг
убил моё терпенье?

Учась огню атак
и выигрышу страсти,
скажу: какой пустяк
всё ж эти все напасти.

Веду о том я речь,
что снятся мне ночами
то невозвратность встреч,
то грусть иных печалей.

Друг, не на что пенять!
И назовём благими
умение понять,
быть понятым другими.

2012

БОЮСЬ НЕ ВСТАТЬ...

Предвечерье. Предвечерний свет.
Видится как первый и последний
почему-то он, а объяснения нет
ни в моей душе, ни в мыслях редких.

Ровная тут бродит полутень.
Хоть и скоро будет летний вечер,
не печален предвечерний день,
но печален я на этом свете.

И ведь знает день, что он умрёт,
вечер, а потом и ночь, наступит.
Смерть ему — не страх и не урок,
и стыдить его — смешно и глупо.

Ни весна, ни лето, ни зима
и ни осень, тайны листопада,
не сводили никогда с ума,
как меня, его. Ни страх распада.

Что ни день, мне предвечерний свет
видится как первый и последний,
видно, оттого, что столько лет
я боюсь, упав, не встать в день летний.

2012

ДАЛЁКОЕ НАЧАЛО

Не отвергаю и не забываю...
Пусть светит тихий звёздочкой печаль.
Я о любви к ней тихо заявляю.
И лучшей на земле зову ту даль.

И эта даль — далёкое начало.
И нет ему, как памяти, конца.
Нам не найти ни тихого причала,
ни памяти не позабыть лица.

С мученьями, с изменой, с постоянством,
с любовью со смешным названием «навек»,
в наследство данным временем, пространством,
с чем связан в своей жизни человек.

Нет на пути ни огонька надежды.
Единственный тот негасимый свет,
который освещал мой путь, о где ж ты?
Далёкое начало, дай ответ.

Даль, не меняя вековое русло,
ответа никакого не даёт.
И как по-человечески мне грустно!
А память всё плывёт ко мне, плывёт...

2012

КАЖДОЙ ВЕСНОЮ...

Память, ты ходишь по моим годам,
тихими звёздами светишь.
Что же оставил когда-то я там,
ты не ответишь?

Может, тогда начинались они —
радости и печали?
Может быть, смотрят счастливые дни,
смотрят из дальней дали?

Кажется, что никуда не ушли
все голоса родные:
слышу их будто из-под земли,
слушаю позывные.

Чувства светлы и дух мой высок
каждой весною.
Матери нашей родной голосок
вечно со мною.

Память, с вершин не к огням другим
трепетно я спускаюсь —
только поющим созвездьям твоим
лишь откликаюсь...

2012

ДОЛГАЯ ОСЕНЬ

У осени медлителен уход.
И поведёт она себя как надо:
ошеломит, закружит, уведёт
в мерцающие тайны листопада.

Всё так, всё так. Не мне её судить.
Я устарел, видать, отстал от века.
А осень остаётся, стало быть,
как времени незыблемая веха.

Незыблемость зовёт подняться нас
над мелким и ничтожным, преходящим.
Как жаль, как жаль, друзья, что среди вас
отмечен я всех раньше уходящим.

Пусть осени медлителен уход.
Полюбит взгляд, как будто осень — лето,
и листьев тех порхающий полёт,
и слитого из воздуха и света
осеннего простора красоту...

Меня не осуждайте вы: всё это
я нынче не отдам за чистоту
и трепетность души, что всем известно.

2012

НЕ ЗАПЛАЧУ...

Я, прощаясь с вами, не заплачу,
ничего с собою не возьму,
кроме лишь надежды на удачу.
А зачем прощаюсь? Не пойму.

И теперь ничто уж не поможет
недосказанности нужных слов,
самых лучших в нашей жизни, может.
Добр я внутренне, на вид — суров.

Ничего нет, думаю, дороже
тех огней, блеснувших вдалеке.
Вскинув все предчувствия дороги,
как рюкзак, иду я налегке.

Вижу предстоящие печали.
Вижу невозвратность дней и встреч.
Вижу — навсегда они умчались.
Нам не сохранить их, не сберечь.

Не расстался с вами я без вздоха,
не заплакал лишь, о чём и — речь.
Знаю я, без вас мне будет плохо.
Время будет дальше течь и течь...

2012

ОЖИЛ МИР...

Брось, оставь всё суетное где-то
и смотри на мир ты с высоты.
Захлебнуться можно тут от света,
ветра первозданной чистоты.

Нет, не походила на смиренность
тишина, лежащая в пыли.
Что-то закружилось вдруг, в смятенье,
что-то громынуло там, вдали.

Понеслось кукушкино гаданье
чуть тревожно, будто б близ горы.
Ожил мир, смиря ожиданье,
воздух — до какой-то до поры.

Бросил ты всё суетное где-то,
видишь мир как будто с высоты,
удовольствие находишь в этом
для души, душевной простоты.

2012

ПОТОМОК

Аттила? Нет! Его потомок я.
Да, да! И чтобы даровал он силы
мне для борьбы, я обращусь к Аттиле
как к богу моему, — умру, молясь.

Пусть я умру, умрёт и кровный враг
и не успеет учинить расправу
он надо мной, чью растоптал я славу.
Мой гроб мне будет словно саркофаг.

Мне навсегда постелью станет он.
Коль умер я, мои глаза — закрыты.
Не будут рядом заживо зарыты
свидетели убогих похорон.

Когда в труп превращён был кровный враг,
над ним мне издеваться не пристало.
Я всё простил ему в гробу устало,
чтоб не тревожил Бог мой гордый прах.

Когда же всем дадут созвездья знать,
что я поэт великий и предвечный,
своим мечтам не изменяя вечным,
из гроба встав, я поднимусь опять...

2012

ТЫ СВЕТИШЬ МНЕ И СВЕТИШЬСЯ

Когда ты светишь мне улыбкою своею
и светишься, так чуден белый свет,
что я жалею всех и не умею
их ненавидеть — гнева, злости нет.

Родных и близких лик ясней, чем прежде,
и недругов яснее вижу я.
Не в безнадёжности тружусь, в надежде,
у бездны мрачной на краю живя.

Исчезли грани времени как будто,
стоят три времени передо мной:
вчера, сегодня, завтра меня будут
вводить в мир светлый и бессмертный свой.

Когда ты светишь мне и светишься, я верю
в величье вдохновенного труда.
У смертных нет бессмертия, наверно,
но мысль моя и труд зовут туда...

2012

СЛЕЗА ГОРЮЧАЯ

О где вы, соловьи?
Весь опустел мой сад.
Прошли года мои,
их не вернуть назад.

Ах, жизнь бездольная,
тоска липучая.
Слеза солёная,
слеза горячая.

Вы где, отец и мать?
Весь опустел мой дом.
Вас нет — смогу ль обнять?
На свете вы на том.

Ты где, моя семья?
Но нет моей семьи.
Ведь одинокий я,
прошли года мои.

Прошли года мои,
их не вернуть назад.
Исчезли соловьи.
Весь опустел мой сад.

Ах, жизнь бездольная,
тоска липучая.
Слеза солёная,
слеза горячая...

2012

ШУТКА

Чтоб в вечность мне попасть,
что должен я иметь?
Я должен миг поймать,
в стихах запечатлеть.

Всю жизнь ловил я миг,
охотился за ним.
И стал мне свет не мил.
Устав, душой я сник.

Талант ли был мой мал,
бедна ль, скудна ль душа,
поймать-то миг поймал,
но вот не удержал.

И, ясно, не успел
в стихах запечатлеть.
Чтоб явный был успех,
что должен я иметь?

2012

ПЛАЧЬ, МУЗА...

Плачь, муза... Ты так долго плакала,
когда ушла из жизни мать моя.
И до того со мной неласково
жизнь обошлась, гоним был вечно я.

И, словно в сговоре, все одинаково
ни петь мне не давали, ни дышать.
Как будто я за кривду ратовал.
О, лира скорбная, болит моя душа.

В бездушном мире все бездушные.
Никто жалеть не будет никого.
О, люди, среди вас так душно мне!
Бессмыслен ваш бездумный хоровод.

Не жду от чуждых милосердия.
Скоп чуждых с милосердьем не знаком.
Знаком не будет и в столетиях.
Для люда этого то — как закон.

Во сне со мною мама ласково
беседует, жалеет, — счастлив я.
Плачь, муза... Ты так долго плакала,
когда ушла из жизни мать моя...

2012

НА ГУСЛЯХ

Бренчать на гусях не умею я,
хоть и умел, не взял бы в руки гусли
лишь потому, что есть гуслиар искусней,
что рассмешит его игра моя.

И я посмешищем быть не хочу.
Я не хочу рыдать от ран душевных,
полученных от личностей дешёвых.
Я это слишком мелким нахожу.

Конечно же, я тоже человек,
болят и у меня душа и сердце,
сквозь муки и страдания несётся
к началу своему мой краткий век.

Когда я грустен, мне весёлым быть
совсем непросто, но играть искусно
я должен, научусь, на этих гусях.
Напомнишь, друг, потом, чтоб не забыть.

2012

ОГОНЬ БЕССМЕРТНЫЙ

Бывает так: убит почти что ты,
и пальцем шевельнуть охоты нет.
Мечты ушли, отсутствуют мечты.
Ты чуть живой с собой наедине.

И всё, что рядом, — все одни враги.
Все против прут, а за тебя — никто.
Перед глазами — чёрные круги.
И сил бороться нет, всё дело в том.

Сразиться с кем-то? Нет. Охоты нет.
Взять верх над кем-то? Нет. Охоты нет.
И жить уж у меня охоты нет.
Сказать «охоты нет» — охоты нет.

Хотелось волком выть, я не завыл.
Хотелось плакать, не заплакал я.
Кто я, что я — я помнил, не забыл,
не торопясь в загробные края.

Ведь весь не умер я: надежда есть,
что выживу, что путь дарован мне
судьбою долгий, что отступит смерть,
блеснёт огонь бессмертный в глубине...

2012

НОСТАЛЬГИЯ

Снится мне так часто дом родной —
светлая обитель ранних лет.
Навестить бы маму, постучать в окно,
но увы: нет мамы, дома тоже нет.

Хоть за целый век дожди, снега
смыли-замели след жизни той,
городской я вроде, а никак
не привыкну вот, что городской.

Деревенский домик дорогой
в шапке из соломы до бровей,
убаюкивая гений мой,
уберёт меня от ста смертей.

Я хочу туда, в мой дом родной,
так давно там не был, столько лет!
Навестить бы маму, постучать в окно,
но увы: нет мамы, дома тоже нет...

2012

НО ОТКУДА, СКАЖИ...

То смеёшься, то хмуришь ты брови —
откровенный рождается стих.
Смерть уходит, тебя не затронет.
Вечереет и ветер притих.

Звёзды спело висят над долиной,
над лесами, над речкой, горой.
В этой жизни удачной и длинной
ты похож на счастливица порой.

Про тебя говорят, что хороший, —
добрая есть молва меж людьми.
Ты легко отгадаешь, ты можешь,
что подруга горит от любви.

Но откуда, скажи, ведь так странно,
разгадать твои строки могли,
что болит моё сердце, как рана,
вдалеке от родимой земли?

2012

ГДЕ ЗАКОНЧУ?

Я где закончу дни мои в опале?
И что заладит утверждать молва
о грешном, обо мне? И как попал я
под эти как бы камни, жернова?

Всегда свобода, правда под запретом.
Я это чувствую и — всё сильней.
Не потому ль родился я поэтом?
И кто меня свободней и вольней?

Ниспроверженья дух... И он незримо
живёт во мне, не тлеет, а горит,
пока я жив, огнём неугасимым,
о новой эре пылко говорит.

Не только отрицаю, утверждаю
дух созиданья я и — всей душой.
О светлый день! Как долго ждал тебя я!
Но приключился вновь... обман большой.

Прислушиваясь вновь к дыханью мира
и глядя с думою на небеса,
я вижу бога — моего кумира —
и кажется мне, что я это сам...

2012

ВСЁ СЛЫШИТ...

Всё слышит сердце гулкое, всё слышит:
и клевету, холодную угрозу,
и то, как друг коварством злобно дышит,
жизнь превратив в убийственную прозу,
и то, как недруг тайно гневом пышит.

Ах, то ли было в детстве, в нашем детстве!
В своём, построенном мечтою, мире,
разгорячаясь, играли мы, о, сердце,
играли-забавлялись все так мило,
что и не думали: куда всё денется...

2012

СТАРЫЙ ДРУГ

Прощай, о друг! Увидимся едва ли.
И горек как небратский твой привет!
Зря сердце моё сладко трепетало,
утратил ты сердечность прежних лет.

Успехов блеск ли изменил холодный —
не тем ты стал для чести и друзей.
Свободы нет в твоей душе свободной,
не одержим призываньем ты в труде.

И суетлив. Забыл иль не запомнил,
что всякий труд не терпит суеты.
Ведь это нам с младенчества знакомо.
Друг заблуждений и гордыни ты.

Пока мы тут, в честь дня соединений
в последний стих я вкладываю труд.
Прощай! Уйдя под сень уединенья,
не жду тебя, мой бывший старый друг...

2012

МЫ СКИФЫ

Чуваши — скифы: все мы с Нила,
с низовья разбрелись по свету.
Чудь, меря, весь лишь изменились,
а не ушли от нас бесследно.

Казак, хохол и даже русский
иной — не славянин... И все мы
имеем родственные узы,
хоть и по всей земле рассеяны.

Великая Скифия наша —
до Руси Киевской — гремела.
Варяг не сеет и не пашет,
но грабит, убивает смело.

Пришёл к нам, и мы стали парии.
С востока тюрки появились.
Оплот последний наш Булгария
не устояла, насмерть билась.

Но мы — шумерские сувары —
чуваши — и поныне живы.
А по-другому мы — самары,
что всё одно... Мы — скифы, скифы!

Мы где-то сплоховали малость,
но упрекать нас не посмейте.
В рассеянии — наша слабость,
а в творческом труде — бессмертье...

2012

ПТИЦЫ

В снегах необъятной морозной России
вороны, как дуры, над нами летают,
и мёрзнут и гибнут в снегу, как босые,
а умные гуси на юг улетают.

Неужто не вспомнят и не встрепаются,
чужим подаянием где-то питаясь?
И родины запах, и сны не проснутся
в крови их, о друг, по чужбине скитаясь?

Вернутся все от ностальгической боли...
Как нервы, над нами магнитные пути.
Зачем на два полюса нас раскололи?
И ходим, как птицы, хотя и обуты.

И ты улетаешь в рассвет голубой,
магнитные пути влача за собой.
Вдруг ты встрепаешься — весь мир встрепаётся.
Вдруг рухнешь — и сердце моё разобьётся...

2012

УНИВЕРСИТЕТ

Я с грустью вспоминаю альма-матер —
былые дни — в студенческом формате,
где — Лобачевский, как памятник веку,
чей бронзовый лоб холодеет от ветра.

В мозгу повторяются снова и снова
затасканных лекций скупые признания,
где каждое слово стоит, как основа,
где правда — твоё основное призвание.

А в окна врывается синее утро,
и день предстоит удивительно трудный,
где вместо обедов даются обеты,
душа холодеет совсем не от ветра.

В ночь видит геолог крутые откосы,
филологу снятся крутые вопросы.
Проверить, что ложно, что только наружно, —
как всё это сложно, как всё это — нужно...

2012

ИВА

Глаза его в слезах, в слезах — глаза.
Куда же? В облако что ли зарыться?
Башкою в рыжие кануть леса?
Не место и больница.

Ужели смерть была неминучей?
На кладбище — ива плакуча.
Роняет слёзы, руки на камни кладёт.
И ветер у ивы слёзы крадёт.

Но солнце не обучить, как стать мячом.
И иву не обучить, как стать свирелью.
Но с узких глаз ивы слеза стечёт —
и соловей захлебнётся трелью.

Зелёные сны руки ивы прядут,
как платье моё латают.
И сны к моему изголовью придут,
ведь сны летают...

2012

ЧУДО...

По тёплым лужицам, асфальту распáренному,
в руках — босоножки, в глазах — небеса,
она как чудо идёт, раздаривая
прохожим маленькие чудеса.

Ей липы вдоль улицы устроили овации.
Она притронется к ним — и пчёлы летят на мёд.
А вот берёт зелёный стручок акации,
к губам подносит, и он, счастливый, — поёт!

Оранжевым круженьем листопада
слова пульсируют в моей крови,
шалью выюгой пляшут до упаду,
плывут неуловимой музыкой любви.

Но никогда к тебе не подойду,
догадок хрупких правдой не разрушу.
Я сам тебя придумал, чудо, — душу
в тебя вложил свою я тут.

Всё единично и неповторимо.
Друг другу мы не улыбнёмся никогда.
Прощай! И прохожу я тихо мимо.
Прощаюсь с чудом я навеки. Навсегда.

2012

ВОРОН

Собачий лай приятен на селе,
но в мегаполисе противен вроде.
Я слушаю его навеселе
и не с охотою — с души воротит.

Кукушкино гаданье — не в расчёт.
Гадает пусть, пусть дни мои считает,
мои года — веду я в роще счёт:
без малого лет десять обещает.

Хоть маловато чуть, но — ничего!
А вот напротив — ворон, враг мой чёрный.
Лет триста, говорят, с лихвой живёт,
а мне сулит день-два поганец чёртов.

Затихнет лай, кукушка улетит,
лишь ворон не уйдёт — сей страж зловещий.
Ждёт-не дождётся он, негодник вещей,
очей моих, чтоб выключнуть, бандит...

2012

ВЕРШИНЫ

Был я тобою и была ты мной.
И было это так давно, что память
не хочет признавать тебя такой —
не острая она теперь, тупая.

И что с неё возьмёшь, раз так тупа...
А жизнь в мечтах провёл я, на вершины
мечтал подняться, жил творя, любя,
хотел стать истинным народа сыном.

Но ни тебе, ни дорогим друзьям
то не понравилось: была ты мною —
не стала мной; и сам не стал уж я
тобою быть, любимую, родною.

Ну а вершины... всё — в мечтах, в мечтах.
Ах, одолеть бы хоть одну вершину,
такую, чтобы стал народа сыном,
чтоб не страдал, покой нашёл мой прах.

2012

Я ЧЕСТНО ЖИЛ...

Мы жить хотим и к жизни лишь стремимся —
стихи писать, любить, играть в бильярд.
Не верьте сказке, что я застрелился.
Не верьте и тому, что принял яд.

Не брошусь я с балкона, пусть уж сбросят.
Давиться тоже не хочу, друзья.
Скажите всем им, подлым, если спросят
с чего я сдох, что умер с горя я.

Им, подлым, не понять — смертельно горе,
когда народ родной уходит в дым,
где он и пропадёт, не вспянет коли
от сна — в пример народам молодым.

Мы жить хотим, мы не хотим исчезнуть.
Не умирай, живи, народ родной.
Я честно жил и умираю честно.
Как это хорошо, о бог ты мой!

2012

ПАМЯТИ ДЖАНГАРА

Поэт погиб, не признанный, гонимый.
Казалось, что пригрет, но не пригрет.
Ни обществом, ни богом не хранимый,
по-русски выражал он свой привет.

В лесах Сибири выростал он в ссылке,
но был душою «друг степей калмык»,
свой край любил, как мать, отца, так сильно,
что выучил, уж взрослым, их язык.

Калмыцкий изучал с благоговеньем...
Поэт Насунов, я тебя любил.
Знаком и я с враждой и сыт гоненьем.
Меня не смог обком, тебя убил.

Не признан был, а после смерти признан,
не поздно ли, не подло ль, господя?
Растленья ваших душ не это ль признак —
смертельный по поэзии удар?!

2012

МЫ ЖИЛИ...

Нам обещанья лишь давали
правители родной страны.
Надежды рухнули в тумане,
их нет, просветы не видны.

Мы жили в пакостное время,
в такое ж и сейчас живём.
Несчастное младое племя,
состарившись, замкнулось в чём?

В себе замкнулось и в болезнях.
Живые трупы мы сейчас.
И кто куда-то рвётся, лезет,
тот тоже труп — уже зачах.

Просвета и во мне не стало,
хоть чуть и тлеет интеллект.
Язык богов среда изгнала,
есть жулики, поэтов нет.

О где ты, где, моя надежда?
Во тьме лишь бред несчастных лет.
Бессмертие моё, о где ж ты?
Но нет тебя, простыл и след...

2012

И ВО СНЕ...

Как различить мне звуки тишины
и тихую игру теней и света?
Все чувства тонкие привлечены
и ошущенья острые на это.

И я тогда бываю тих, спокоен:
душа жива и голова ясна.
И грежу под луной всю ночь без сна,
что чести быть чаровником достоин.

Есть в мире божьем трепетная связь —
связь цвета, света, музыки и слова.
Звезда моя, на небе ты зажглась,
чтоб вдохновлялся снова я и снова.

И воспевал сирень и первоцвет,
чтоб на цветах тепло пылали зори,
а сны мои покоил звёздный свет,
чтоб и во сне стихи свои узорил...

2012

АЛАГЕРУ

Василий Осипыч! Ты жил — не знал я,
бывая рядом, что меня ты спас
от гибельной статьи; что друг-каналья
хотел упечь дружка в тюрьму — ты спас.

Ты клевету отринул: не виновен,
не враг соввласти и не диссидент!
Спасал меня и при режиме новом —
я и тогда опален был, в беде.

Как жаль, что это я узнал так поздно,
но лучше поздно, чем уж никогда.
Благодарю тебя бесшумно, просто
и низко кланяюсь: ты в сердце — навсегда.

В жестокий век исчезло милосердьё.
И, проявив его, ты спас себя,
спас душу ты свою на этом свете,
на том — бог принял с радостью тебя...

2012

СТАРАЯ ВДОВА

Веточка вербы в бутылке
в затхлой воде ждёт чего?
Грезит-мечтает так пылко,
словно на вербе живёт.

Вербного ждёт воскресенья.
Рано ещё, и не жди.
Радости нет для веселья —
в затхлой воде не найти.

Веточка вербы нечаянно
влезла в бутылку с водой.
Сломана тоже случайно
старой бездумной вдовой.

Вербного ждёт воскресенья.
Жди хоть его, хоть не жди,
в затхлой воде нет веселья,
радостей в ней не найти.

Может, вдова и дождётся.
Веточка — нет, уж мертва.
Горечь у бога зачтётся,
если подскажет вдова...

2012

В МИНУТЫ СЛАБОСТИ

Уста молитву шепчут, плачут очи.
Господь, прости, так жалко мне себя.
Изранена душа и кровоточит,
все вскрылись раны — ноют и свербят.

Не признан и не принят, ухожу я
с обидою смертельной, о господь.
Надеялся, мечту имел большую
на молодёжь — стремленье не сбылось.

И на грядущее иметь надежды
боюсь и верить мне в него не след.
И что ж — истлей, последняя одежда,
сотрись, мой след: мне жизни больше нет.

...Как пагубно влияют эти ночи
на психику поэта, смерть трубя.
Уста молитву шепчут, плачут очи.
Прости, господь, прости, прошу тебя.

2012

СПАСЕНЬЕ

Порой так больно и так горько мне
от этой подневольной, скудной жизни.
И сил сопротивляться просто нет,
что жди: непоправимое случится.

Опять корабль не тот, мелка вода.
И кто его, куда теперь затащит?
Вновь сволочей полно, вновь в никуда
плывём — воруем, грабим, вновь — так тяжко.

И тяжко то, что нет таких как ты,
наш Сеспель, и ушёл ты слишком рано.
Коту под хвост пошли борьба, труды
у всех, кто пал за власть на поле брани.

Хоть строй другой, над нами та же Русь,
и говорить, что худо всё — опасно,
и говорить, что пакостно — боюсь.
А ждать чудес, мне кажется, напрасно.

Но надо жить! Ни пуля, ни петля,
ни яд от мук, страданий не спасенье.
Спасенье ты, чувашская земля.
Спасенье — дух бессмертный как у Сеспеля...

2012

СВЕТЛЫЕ МИНУТЫ

Прочь, минуты слабости, сутулость.
Видимо, я скис немного, чуть.
Вспомня юность, вспомнил свежесть улиц
и весну — куда я вновь хочу.

Здравствуй, юность! Я — живой, ты слышишь?
Я влюблён, я в жизнь, весну влюблён.
И сегодня утром ранним вышел
слушать твой, весна, чудесный звон.

Сгинь, унынье, пропадай, и хмурость.
В день такой нисколько не шучу.
Я в весну по свежести всех улиц
возвратиться молодым хочу.

Вон старушка мается на цыпочках:
боязно, вишь, ноги промочить.
А меня же не жалеи ни чуточки,
по всем лужам ты меня промчи.

Не жалеи. Пусть будет так и дальше.
Я поблажек ведь не жду ничуть.
Молодым всегда, влюблённым даже
жизнь свою я доживать хочу...

2012

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Нет бедам, горю ни конца, ни края.
Несётся год, куда-то нас таща.
Порою жизнь так резко пригибает —
чуть из тебя не выскочит душа.

Жизнь и сейчас несёт меня, как лодку
несёт поток шальной по быстрине.
Но помню я, о мать, твой взгляд, походку
и строгую твою любовь ко мне.

И после, где потом ни вспомню, всюду, —
сегодня, завтра, через много лет, —
всегда я чувствовать, наверно, буду
души твоей тепло, вниманье, свет.

Я боль твоя и счастье — как у женщин
бывает вечно, я ребёнок твой.
Каким бы ни был, чем бы не увенчан,
я сын, я сын для матери родной!

Прозрение пришло не вдруг, не разом,
давным-давно мне ясного ясней:
взлелеянный тобой, воспеть обязан
тебя я песней лучшею своей.

2012

МЕЛАНХОЛИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

Дни мчатся, вертя нас, крутя.
В бреду год за годом уйдёт.
Я, прошлого века дитя,
шагнул за двухтысячный год.

Пусть век двадцать первый наш, пусть.
Придётся мне в нём догореть.
В нём кончу я скорбный свой путь,
чтоб больше не маяться впредь.

Здесь та ж суета-маета.
Свет истины есть, есть и мрак.
Умру я в какие года?
Не бог человек — это так.

Я видел глумленье врагов,
которые очень хотят,
чтоб выпал чуваш из рядов
как немощный старый солдат.

И если настал этот год,
принёс тиранию и смерть
и мой исчезает народ,
мне лучше сейчас умереть...

2012

ГРАФОМАН

Кто не томим заветной мыслью
свой край прославить и народ,
чей мир душевный с норку мышью,
тот громче всех: «Люблю!» — орёт.

Не хочет — пишет, как под игом,
как в самой тяжкой из неволь.
А жизнь уходит миг за мигом,
но непоэту то — не боль.

И не страданье. Не страдая
и не томясь, возьмёт своё:
властям осанну, гимн споёт,
все блага жизни расхватает.

И он со званием «народный»
почётный будет гражданин.
Поэт же, власти неугодный,
споёт: «Лама савахфани».

«О, боже, что ж меня оставил?»
Не бог оставил, о Поэт,
своим талантом ты поставил
себя вне шайки их — в ответ...

2012

УТРЕННИЙ СНЕГ

Вижу, вижу: всё заметней
дальних лет незримый свет!
Из друзей годов заветных
никого со мною нет.

У подростков есть мечты
странноватые для взрослых.
Белоснежные банты
были у девчонок в косах.

Наяву — не наглядеться.
И смотрели мы во сне:
сладко замирало сердце
хоть зимой, хоть по весне.

Лица сверстниц — точно луны,
сами — стройны, как тростник.
Отзывался в сердце юном
каждый смех и каждый лик.

Чист, как сверстниц имена, —
снег с утра. Он чист, как память.
Дело в том, что жизнь одна —
ни поправить, ни слукавить...

2012

В НОЧЬ ЗАБРОШЕН...

Сознание уверенности и постоянства
ушло — хоть береди его, не береди.
И я задыхаюсь, чувствуя тяжесть пространства.
И целая тёмная ночь у меня впереди.

За что в ночь заброшен, как в ад бессемейный?
В аду, как мне кажется, тысячи глаз.
Горят огоньки далеко во вселенной,
как всё ж высоки они в сумрачный час.

Как смотрят и кругло, и узко... Не спится...
Но странно: огни не зовут, не манят.
Ночная зловеще кричит рядом птица,
и ужас насквозь пробирает меня.

Я жив ли? О, да! И жива моя светлая песня.
Не в первый же раз на веку, много раз
катал и катаю клубок мыслей здесь я,
чтоб страхи погасли в глубинах у тысячи глаз.

2012

ПАМЯТИ АРХИПА

Скрыт давно туманом лет
друг, что был мне вместо брата
и любил меня когда-то
как никто по всей земле.

И мелодию дождей
он любил со мною вместе.
Скрыт. И не допета песня.
Не звучит в тумане дней.

Вспомним друга — лей, мой дождь!
Пой, журчи, звени протяжно.
С другом мне уж не бродяжить,
умер он... чего ты ждёшь?

Пой же, дождь, журчи, звени.
Славно как рокочут струны!
Но не жди горячих, юных.
Души их ушли в зенит...

2012

ТИГЕТКЕЛЮ

Ужель безумье гениально?
Безумен, но не гений ты.
Душа ж темна и inferнальна.
Без мыслей ты и без мечты.

И мы с тобою антиподы:
я есть восход, а ты — закат.
И оба для людей — уроды:
убьют иль продадут за так.

Ты без души, имея душу.
И дышишь, словно не дыша.
Твой сон, наверно, я нарушу:
ты спишь, не спит твоя душа.

Она в тиши мне яд готовит,
яд в виде подлой клеветы,
со всей округи сплетни ловит,
чтоб я подох, остался ты.

Но оба мы откинем вместе
копыта, даже в один день.
Наверно, я останусь в песне,
а ты — в наветах, в клевете...

2012

ЗАБЫТЫЙ

Тихо кругом... Сон веет...
Горестно мне от слияния
тишины и забвения
в лунном сиянии.

Знаю, забыли... Не жалость
душу тревожит печально.
Может, подкралась усталость?
Может, влюбился случайно?

Но в кого? В свои грёзы
юности моей ранней?
Закипают слёзы
от воспоминаний.

Миг мой таинственный!
Над миром сон веет —
без слов с подругой единственной
мы шли по аллее.

...Забыт я, и сердце невольно
летит, спеша на свет!
В берёзах белоствольных
затерян мой след.

2012

НАЙДУ...

Легли десятилетия между нами.
Я потерял давно мою звезду —
родную, вечную. Ищу годами,
ищу, не веря, что тебя найду.

Приветливо рукою ты мне машешь,
с улыбкою, как сорок лет назад,
но почему-то кажется, что плачешь:
смеются губы, а в слезах глаза.

Приблизусь я к тебе, ты исчезаешь,
хоть шепчешь мне: я здесь, иди сюда.
И сколько б раз во сне не вижу за ночь,
не встречу днём ни разу никогда.

Ты, словно песня, вспыхнула однажды
в моей душе той вспышкой огня,
что навсегда осталась в ней, как жажда.
Не утолить её мне, не унять.

Прости же ради ты всего святого,
что всё ищу, ищу тебя, звезду.
Коль упаду в пути, то встану — снова
пойду, поверив, что вот-вот найду...

2012

СИМВОЛЫ

Шепчет муза опять: «Утоли
неизбывные наши печали...»
Вспомним осень — летят журавли
с горьким криком в далёкие дали.

Вот — весна и в саду — соловей.
Как услышишь, уж не засидеться —
от рулад золотых бьётся сердце
и любовней всегда, и сильней.

Значит, он вроде птицы любви.
Журавли же — как птицы разлуки.
И печали мои, и твои,
муза, — символы счастья и муки...

2012

ЗИМОЙ...

Зимой не поём мы уж сами.
Свирель ледяная над нами
поёт или жалобно плачет.
Я старый, а рад ей, как мальчик.

И рад этой жизни невольно.
Хотя мне и в радости больно,
печали внезапной я рад.
Невольно я жизнью богат.

И жизнь я наполнил снегами,
любовью, дождём и огнями,
стихами, высокой мечтою,
всё думал, что счастье я строю.

Построил несчастье невольно.
Не радостно мне, больно, больно!
Предвижу: зима... жизни нет...
метель заметает мой след...

2012

СКВОЗЬ ЛУННЫЙ СВЕТ

Сомнамбулический романс,
сомнамбулические тени
по тихим улочкам к домам
пройти таинственно хотели.

Сквозь лунный свет они скользят,
сквозь нежной музыки укоры.
В них тайны странные сквозят,
душа тоскует о которых.

О романтических ночах...
Ну что же вы, на самом деле!
Дома не слышат и молчат,
им ни к чему романс и тени.

Так можно же и одуреть:
собачья жизнь, собачий холод.
Уж лучше петь в любой дыре
любому смертному про голод.

О, голодающий романс!
О, голодающие тени!
Ко мне идите, жду я вас,
ведь вы ко мне, ко мне хотели.

2012

ФЛЕЙТА

О, флейта ночных откровений!
Я жизнью дышу и горю,
а ты мне сулишь путь последний.
Не рано ли? Благодарю.

Лей звуки, певучая флейта!
Пусть звуки слетают ко мне,
возникшие тоненько где-то
в небесной ночной вышине.

Там — звёзды, здесь — звёзды печали.
И ветер печаль ту пронёс
по свету, что обозначает:
весь свет захлебнётся от слёз.

Но не захлебнусь я, о флейта.
Я снова живу и горю.
И здесь, на земле, а не где-то
встречаю весну и зарю.

Где листьев волнение и щебет
заливистых радостных птах.
Где солнце ласкает их щедро.
Где счастлив от жизни я так...

2012

ОКРУГА СПИТ...

Округа спит, а в звёздной вышине
горит звезда особого накала.
Ах, что, узнать бы, что пророчат мне
её накал, её лучи как жала?

Связуя воедино времена,
не удивлюсь я ничему на свете.
Кто знает жизнь, тот знает, что она
дарует и забвенью, и бессмертью.

Круты у жизни счастья виражи,
крута судьбы, извилиста, дорога.
Порой лишь видим счастья миражи,
пройдя весь свет от самого порога.

Что ни пророчили б, все, все уйдём,
звезда останется и напроорочит
грядущим людям — скажет: счастье в том,
что нет его, коль есть, то кровотоцит...

2012

ЛЕЙТЕНАНТ

Мерцай, пророчь, моя звезда,
звезда любви, звезда печали,
играй холодными лучами,
пока поют, поют уста.

Тебе не о себе спою,
спою я о погибшем друге.
Жизнь обошлась с ним очень круто.
Спеть не успел он песнь свою.

И разувериться в любви
друг не успел и — в жизни, в жизни.
Он посвятил себя отчизне
и принял за неё бои.

Погибший друг был лейтенант.
Любил он девушку и сватал.
Всё что любил — любил так свято,
иной сказал бы: как фанат.

И горе подкосило мать.
А девушка нашла другого.
Не доброго достойна слова,
но не хочу её ругать.

Длинна, как ночь, как ночь пуста
пусть будет жизнь её в печали.
Играй холодными лучами,
мерцай, пророчь, моя звезда...

2012

ЖГУ ПИСЬМА...

Тамаре

Письма жгу твои... Звезда над нами,
где б не находилась ты сейчас,
всё ж горит, обоим нам родная,
но не греюсь я в её лучах.

Разлюбив, я что могу добавить
к злополучной горестной любви?
Упрекать, быть может, я и вправе,
воздержусь — ведь письма жгу твои.

Хоть как не читай, хоть новым зреньем,
хоть иным, — нет честности у строк.
Ясно, что жить глупо лишь влеченьем,
и проснулся в сердце холодок.

...Письма бросил я в огонь, и пламя
охватило быстро все листки.
Вот и всё. И нет звезды над нами.
Мы-то есть, но судьбы далеки.

2012

СУМРАК

Друг не стукнет в дверь мою — беда.
Друг стучит теперь в другие двери.
Дней так потянулась череда,
что я где-то вышел из доверья.

Одиночество, как врач, меня
лечит от таких несчастий чудно.
Всё спокойнее день ото дня
вспоминаю взрывы своих чувств я.

Я томился непонятым злом,
друга звал талантом и лентяем,
но не называл, как все, козлом.
Есть такие люди. Я ль судья им?

Ранний сумрак истемнил поля.
И окутал дом мой ранний сумрак.
Как легко душе — свободен я
от друзей неверных и бездумных.

Пусть не стукнут больше в дверь мою!
Не досадно мне ничуть, не больно.
Сумрачно, но от души пою
я про сумрак, тишину, край вольный...

2012

БРОЖУ ОДИН...

Брожу один по скользким тротуарам
среди вечерних городских забот.
Проходит в сумерках за парой пара,
а рядом что-то нежное плывёт.

Каким-то шепотком неуловимым
шуршание какое-то идёт.
Проходит нежное, проходит мимо
и так во влажном воздухе плывёт.

Ах, не спеши: куда тебе — скорее,
как будто что-то у тебя уйдёт.
Глянь, молодость таится по аллеям,
а рядом что-то нежное плывёт.

Идёшь по улицам знакомым, словно
попал на праздник чьих-то именин.
Идёшь и даже как-то неудобно,
что все вдвоём, а ты вот так — один.

В шуршанье шин вечерний слился шёпот
и потускнели лампочки витрин.
Мои шаги отчётливее шлёпают.
И я теперь действительно один.

Смеётся кто-то на витрине в бороду
и кажется: запрыгает вот-вот.
Брожу один по дремлющему городу,
а рядом что-то нежное плывёт...

2012

И СВЕТИТ МЕСЯЦ...

Прелюдия твоя, о, вечность, —
жизнь эта скорбная моя,
что, в общем, не противоречит
тому, что не бессмертен я.

А кто бессмертен, коль взглядеться
во тьму сознания своего?
Никто. Лишь бог. И не надейся
перешагнуть через него.

Но человек ведь в идеале
и есть тот бог, что лишь мечта.
Мечту как бога нам давали,
которую и ждать и ждать.

Наверно, я впадаю в детство?
Не то и с памятью моей.
Вот что досталось мне в наследство
от канувших навеки дней.

Жизнь пролетит, и не заметит
душа, что гостя — тут как тут.
С косою стоит... И светит месяц,
как жизнь, как вечности прелюд...

2012

МЕЛОДИЯ

Я — в страхе, страхом обуян...
Кошмарны сны, кошмарны бденья.
Неужто и во гробе я
не буду скрыт от сновиденья?

Исхлёстан и убит почти.
И, кажется, ещё и душат.
Господь, прости и пощади
истерзанную жизнью душу.

Пошли мелодию без слов.
Пусть лечит, льётся пусть над бытом
крылатей, ярче всяких снов.
Я жду её — душа открыта.

Звучит пусть, глуше иль сильней,
иль нежно, тихо замирая.
Звучит, летит в сиянье дней —
мелодия сквозная!

2012

НАШИ СУМЕРКИ

Пусть дней осталось мало впереди,
а ты живи, на это не гляди,
то, что осталось нам, ведь тоже жизнь,
иди, не раскисай и молодцом держись.

Похоже, что мы стали стариками.
Похоже, что и мы в ту ж бездну канем,
всех поколений участь повторим мы,
и оттого обидчивы, ранимы.

Похоже, наши сумерки настали.
Похоже, что об этом мы уж знали.
И потому держаться перед смертью будем
так, как держались стойкие все люди.

Есть сила воли, сила духа есть,
и перед ними отступает смерть.
И кажется мне, что в далёкой мгле
моё бессмертье бродит по земле...

2013

БОЛЕЗНЬ

Молю, ты свет надежды засвети,
судьба моя; прошу я, окаянный:
прости за всё, за все грехи прости,
спаси меня — прошу я покаянно.

Пытая холодом и голодом, ты всё ж
свечу мою, судьба, не загасила.
Нежданно вновь, незванно не пошлѐшь
мне новую беду, когда без сил я.

Питала ложью, страхом, лебедой.
Ты убивала душу, не убила,
и одарила счастьем и бедой, —
ласкала будто и нещадно была.

Я болен, и болезнь внутри меня
сидит так твёрдо и так неотвратно,
что не отсечь её и не унять.
Судьба моя, спаси, не будь превратна.

Хвала тебе, в мой чёрный час хвала,
за то, что всё ж спасала многократно,
за всё, что ты взяла и что дала.
И говорю я это не в бреду и внятно...

2013

Я ДОЖДУСЬ...

Друг мой славный в саду соловей
или сад наш в весеннюю пору,
кто же, кто в час печали моей,
что — надежда моя и опора?

Мать... отец... Хоть их нету уже,
им подвластно целения чудо.
Лишь они — исцеленье душе,
и они лишь — бессмертия чувство.

Не умру я, наверно, опять
с тяжкой петлей болезни на горле.
Не умру... Мой отец, моя мать,
крылья вы надо мной распростёрли.

Ах, в глаза бы мне вам заглянуть!
Рядом нет вас, вас нету со мною.
Ночь темна и за окнами жуть,
но беда всё ж пройдёт стороною.

Я дождусь соловья и сад мой
расцветёт в ту весеннюю пору.
Все — надежда моя и покой.
Все — надежда моя и опора...

2013

КОГДА УСЛЫШИШЬ...

Когда услышишь, что мне уж конец,
вздохнёшь легко, но смерть ведь постучится
и в дверь твою. Над пропастью, глупец,
не радуйся, уймись, беда случится.

Тебе казалось, что ты лучше всех.
Ты думаешь, что уходить не больно.
Наивный! Думать так — великий грех,
коль приобщён к пророчествам невольно.

Поэт — пророк, коль истинный поэт,
а если нет — он лгун универсальный.
Искусно врёт и лжёт, впрямь бога нет.
Да, лучше всех ты, ловкий ты, тот самый.

Ты бил меня, лежачего. И встать мне
ты не помог, — тому, кто свален с ног,
и обобрал его как истый тать ты,
последний отобрав из рук кусок.

А если вновь, палач, возьмёшь за глотку,
и если крови будет стоить шаг,
от дрожи я не буду бить чечётку.
Как жалок ты, о подлая душа!

2013

УГРОЖАЛИ

Всю жизнь меня тюрьмою угрожали.
Кто угрожал, за что? Друзья и власть —
за творчество, за вольнодумство, жалость
к родным местам. И травля всё велась.

Дни чёрные, как приговор читая,
дали мне, я изнывал в беде,
но радовался всё же и тогда я
воде и хлебу, песне и звезде.

И в чёрный день, тогда, я слышал звуки
волшебные в моей душевной мгле.
И все страдания мои и муки
в стихи преображались много лет.

Клеветникам не повезло с тюрьмою.
Замалчиванье было, разный трюк.
Донос и пасквиль плыли надо мною,
за что сердечно всех благодарю.

2013

ПРИШЁЛ БЫ К ВАМ...

Мой вечер настаёт, уходит свет
с днём предвечерним — больно и тревожно.
Всё как-то вот не так и непреложно.
Уйдёт и вечер в ночь — за ними вслед.

Как скрыть печаль мою, собравшись в путь?
Уйдя, не оглянуться на пороге?
Я словно столб, торчащий у дороги.
Хочу кого, себя что ль, обмануть?

Бывало, походил, теперь изволь
стоять как столб, торчащий у дороги,
будь одиноким среди многих-многих
друзей, терпи, глуши в душе ты боль.

Не стал бы петь о боли стих иль гимн,
коль не торчал столбом я у дороги,
пришёл бы к вам, покуда носят ноги,
к вам, други, хоть и к бывшим дорогам.

2013

УГНЕТАЮТ...

Больные думы угнетают ночью,
что старый я и что несчастный я.
К тому же я и одинокий, Отче,
печально дни передо мной стоят.

Как горе, тяжела ты, ночь печали,
но тяжелее день печали днём.
Я в полусне горюю всё ж ночами.
При свете дня горит душа огнём.

Всю ночь ночные думы угнетают,
блеснёт заря — они уходят прочь.
Всегда над днями жизни ночь витает,
и скоро навсегда наступит ночь.

Горька и боль, как старость, Отче, Отче,
дай силы, чтобы мог забыться я:
и днём не вспомнил их, не вспомнил ночью,
так и ушёл в далёкие края...

2013

УЙДЁТ И МУЗЫКА

Будь осторожен к ложным словесам,
лишь слово правды жить имеет право.
Поэт не лжёт, а если лжёт, то срам
светить звезде, и хлеб с водой — отрав.

И лгать поэту — это всё равно
что предавать себя забвенью смерти.
А слово правды — горькое оно,
хоть горькое, в нём только милосердьё.

Не слово лжи приятной, лести вздор,
лишь правда — песни истинной основа.
Иначе будет неутешна столь —
заплачет прародительница слова.

Бездарностей полно — хоть пруд пруди.
Во все века поэтов было мало.
Как жаль, с последним вздохом из груди
уйдёт и музыка — коль сам пропал я...

2013

ДУША ВЕЛА...

Памяти Рубцова

Почти всю жизнь душа меня вела.
Наверно, я имел на то рассудок.
Хоть и была как сажа жизнь бела,
я был к ней всё ж внимателен и чуток.

Имея душу и рассудок, мы
имеем, как светильник жизни, разум.
Выводит он страстей души из тьмы,
не ошибётся в мудрости ни разу.

Пусть день за днём уносится навек,
не лью я слёз, не требую участия:
не первый, не последний человек —
я встречу то всеобщее несчастье.

Несчастьем не считаю я его.
Близка ли, не близка ль моя могила,
в душе есть воля и любовь живёт.
Я счастлив — ведь душа заговорила.

Всю жизнь вела и дальше пусть ведёт.
Я всё пройду, как ни была б жизнь трудной.
Сбивает с ног иль душит, всё вперёд
иду по ней — неповторимой, чудной...

2013

ИСКАЛ СЧАСТЬЕ

В любви когда-то счастье я искал.
В тебе нашёл, я думал, это счастье.
Удача выпадает в том нечасто,
всё чаще видим неудач оскал.

Пугает он, пытаюсь поглотить
меня со всеми чувствами, любовью.
И потому с любовью я люблю —
настороже: нельзя тут с ней шутить.

Хранил любовь, тобою вдохновясь,
весь свет любил, трудился вдохновенно —
и чист, и весел необыкновенно!
Я счастьем, думал, наслаждаюсь всласть.

Пока я думал, неудач оскал
приблизился вплотную, тем пытаюсь
встряхнуть меня. Я понял и не каюсь.
...В любви с тех пор я счастья не искал.

2013

Содержание

<i>Михаил Сениэль</i>	5
Получился...	7
Григ. Песня Сольвейг	8
Наглядность	9
Стукач	10
Чист я...	11
Расстались мы...	12
Поколение	13
Пишу	14
О, истина!	15
Милка	16
Били...	17
Ты где?	18
Дурманыщий дым	19
Мы очарованы...	20
Весёлый смех	21
Мир прекрасен...	22
Вдыхаем...	23
Временность	24
Помните добро	25
Где ж вы?	26
Людские судьбы	27
Поверхность	28
Не рабы	29
Мысль изречённая	30
Это было зимою...	31
Поэту душно...	32
Кто заменит?	33
Избран богом	34
В спячке	35
Пробудись...	36
В стихотворении «Побег»	37
Дружу с тишиной	38
Пепел Клааса	39
Опальный	40
Расквитаться надо...	41
Без покаяния	42
Суть божья	43

Вкус к жизни	44
Гордость	45
В саду	46
Тоска по неразделённой любви	47
Запах скверны	48
Приходите...	49
Вновь полюбили	50
Конец	51
Ещё не встретились...	52
В этой жизни	53
Слав. жизнь	54
Пытаюсь...	55
Спасение моё	56
Не хочу	57
Пируэты	58
Пожалел...	59
Сениэлеведы	60
Духовные мятежи	61
Я — это предки	62
Я верю...	63
Добро и зло	64
Порфирию	65
Лиризм	66
Обманутый	67
Спасены...	68
Чувство рая	69
К выходу в свет «Собрания сочинений»	70
В недобрый час...	71
Лунные тени	72
Два понятия	73
Принц и принцесса	74
Путь смиренья и печали	75
В дурмане жасминовом	76
На пруду...	77
В чём гвоздь?	78
Не клянусь...	79
Посидим...	80
Душа мира	81
Хотелось вам...	82
Тихая печаль	83

В детстве	84
Как грёзы вы...	85
Вешние воды	86
Всё уйдёт...	87
Вернулся я...	88
Первой и последней	89
С Марьей...	90
Болит душа моя...	91
Когда снег...	92
Спаситель	93
Горестная тень	94
Киллер	95
Поздняя осень	96
Осеннее помрачение	97
Шутов засилье...	98
Ave, Maria!	99
Богиня	100
Мечта столетий	101
Живая тшета	102
Нет родины...	103
Не уходи...	104
Как солнце...	105
Погост	106
Мать родная	107
Берегите...	108
Берёза	109
Опоздал	110
Нет тебя...	111
Реквием	112
Мальчишкой...	113
Песня о матери	114
Спасали...	115
Журавли	116
Вернусь	117
Думы	118
Пока живу...	119
Белые снега	120
На сердце печаль	121
Добрый свет	122
Разлад	123

Призраки и тени	124
Гармония	125
Золотой звон	126
Воитель	127
В чужом саду	128
Я и ты...	129
Огонёк	130
Пииты вздорные	131
Вождю	132
Брежневский строй	133
Чăвашĕнь	134
Без Сеспеля...	135
Навсегда...	136
Сны души...	137
Отцветает сирень	138
Ночное письмо	139
Ночь. Снег...	140
Несбыточное	141
Больны...	142
Перед богом...	143
Домик в пригороде	144
Миг золотой	145
Всего-то и надо...	146
До первой звезды...	147
Потому что...	148
Аттила	149
Освобождение	150
Время	151
Хоть знаю, что...	152
Ленин	153
Земля озарена...	154
Боюсь не встать...	155
Далёкое начало	156
Каждой весной...	157
Долгая осень	158
Не заплачу...	159
Ожил мир...	160
Потомок	161
Ты светишь мне и светишься	162
Слеза горячая	163

Шутка	164
Плачь, муза...	165
На гусях	166
Огонь бессмертный	167
Ностальгия	168
Но откуда, скажи...	169
Где закончу?	170
Всё слышит...	171
Старый друг	172
Мы скифы	173
Птицы	174
Университет	175
Ива	176
Чудо...	177
Ворон	178
Вершины	179
Я честно жил...	180
Памяти Джангара	181
Мы жили...	182
И во сне...	183
Алагеру	184
Старая вдова	185
В минуты слабости	186
Спасенье	187
Светлые минуты	188
Памяти матери	189
Меланхолическое интермеццо	190
Графоман	191
Утренний снег	192
В ночь заброшен...	193
Памяти Архипа	194
Тигеткелю	195
Забытый	196
Найду...	197
Символы	198
Зимой...	199
Сквозь лунный свет	200
Флейта	201
Округа спит...	202
Лейтенант	203

Жгу письма...	204
Сумрак	205
Брожу один...	206
И светит месяц...	207
Мелодия	208
Наши сумерки	209
Болезнь	210
Я дождусь...	211
Когда услышишь...	212
Угрожали	213
Пришёл бы к вам...	214
Угнетают...	215
Уйдёт и музыка	216
Душа вела...	217
Искал счастье	218

Михаил СЕНИЭЛЬ
(Михаил Павлович Егоров)

ПРЕДВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Стихи

Редактор *И.П. Турган*
Художественный редактор *В.В. Садкова*
Корректор *Г.П. Егоров*
Оригинал-макет *Э.В. Кирилловой*

Подписано в печать __.07.2014	Печать офсетная
Формат 70×108 ^{1/32}	Гарнитура Times
Бумага офсетная	Физ. печ. л. 14,0
Учётно-изд. л. 10,0	Заказ № __
Тираж 200 экз.	

Отпечатано в типографии «Новое время»
428015, г. Чебоксары, ул. М. Павлова, 50/1
E-mail: newtime1@mail.ru